Любовь за гранью 13. Мертвая тишина

Автор:
Ульяна Соболева

Любовь за гранью 13. Мертвая тишина

Ульяна Соболева

Любовь за гранью #13

«Самое сложное после воспоминаний – не думать о том, каким в них был её взгляд, как выворачивал он наружу своей абсолютной любовью вперемешку с дикой страстью. Возможно, я всё ещё до хрена чего не помнил, возможно, ритуал Курда вернул мне не все воспоминания, но я понимал одно – так на меня ещё никто и никогда не смотрел. Понимал, и тогда ножи вонзались в мою плоть с ещё большей силой и злостью. Из-за осознания, что это – не более, чем игра с её стороны. Но всё это длилось несколько часов и поглощалось чёрной, тягучей и вязкой ненавистью каждый раз, когда она открывала глаза. Стоило только увидеть её сиреневый взгляд, и мне сносило крышу. Потому что в нём я видел одно слово, агрессивно сверкавшее подобно неоновой рекламе. Ложь. Чёрными вспышками с ядовито-красными прожилками ярости, они впиваются в тело, алчно жаждая причинить боль». Николас Мокану

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 13. Мертвая тишина

Глава 1. СЭМ. НИК

Смерть в очередной раз дёрнулся на цепях и зашипел, когда острые металлические шипы, отравленные вербой, врезались в запястья. Наверняка, останутся шрамы, отстранённо отметил про себя Сэм. Хотя у носферату их было столько, что ещё парочка общей картины не меняла. Тело ублюдка было испещрено продольными линиями от ударов хлыстов. Сэм, конечно, был наслышан о прошлом хозяина Асфентуса, но только сейчас, впервые увидев того обнажённым по пояс, начал понимать, через что прошёл полукровка перед тем, как обрести свободу. Он не отрывал взгляда от странного рисунка, похожего на ошейник, вокруг шеи мужчины. Когда носферату бесцеремонно потащили по каменному полу и начали заковывать в кандалы, чтобы вздёрнуть резким движением вверх по стене, Сэм успел заметить, что от этого «ошейника» вниз по спине парня тянулись набитые звенья цепи. Да, глядя на то, как перекатывались они, словно живые, на коже мужчины, Сэм мог сказать однозначно, что не завидует тому, кто когда-то посадил на цепь саму Смерть.

О безбашенности Рино в мире бессмертных ходило столько легенд, что их смело можно было собрать в несколько томов и читать как страшную сказку взрослым. Но, наверное, стоило попасть в лапы к нейтралам, чтобы оценить в полной мере безумие этого идиота, матерившего своих мучителей, даже когда те творили что-то с его мозгом. По крайней мере, Сэм решил, что они измываются именно над сознанием носферату, так как того периодически выгибало в воздухе, но мерзавец прокусывал собственные губы и язык, но не издал ни одного стона.

Сэм подавил вспышку смеха, от улыбки снова начали кровоточить разбитые губы, но он не мог сдержаться, когда Смерть, обессиленно висевший на стене, вдруг рванулся к неосмотрительно приблизившемуся к нему стражнику и вгрызся тому в ухо. От неожиданности тот едва не заорал, но сдержался и, громко зарычав, развернулся к пленнику, с выражением абсолютного самодовольства жевавшему его плоть.

Каратель вонзился когтями в живот носферату, и того скрючило от боли. Сэм тихо зарычал, дёрнувшись вперёд и чувствуя, как его начало подташнивать от этой сцены. Но Рино даже и не думал выплёвывать ухо своего мучителя. Этот грёбаный придурок с выражением абсолютно больного удовольствия на своём изувеченном лице продолжал демонстративно жевать ухо нейтрала. А потом

Смерть прогнулся в спине так сильно, что Мокану показалось, ещё немного – и позвоночник полукровки сломается пополам, его глаза закатились от боли, а из ушей тонкой струйкой потекла кровь.

– Рино…мать твою, – Сэм не сдержался, желая прекратить мучения кузена, – хватит играться.

Мужчина не отвечал. Никто в его состоянии не мог бы говорить, по большому счёту. Его тело начало колотить крупной дрожью…но этот придурок всё продолжал насмехаться над стражником

– Достаточно!

Громовой голос отца заставил вздрогнуть как Сэма, так и карателя, наверняка наматывавшего кишки Рино на свою ладонь.

Нейтрал резко отдёрнул руку, и Рино облегчённо выдохнул, повиснув на цепях. Он что-то прошептал пересохшими губами, и Сэм весь обратился в слух, продолжая тем не менее, сверлить взглядом отца.

– ..зырь…пузырь…

Морт отвернулся, разорвав зрительный контакт с сыном, чтобы посмотреть на Рино. Склонил голову набок, прислушиваясь.

– Пузырь…

Голос носферату слабый настолько, что Сэм задумался, слышит его в голове или наяву. Нехило тому досталось всё же.

– …херня…не могу надуть пузырь, – полукровка резко распахнул глаза, в которых блестела откровенная издёвка над карателем.

Сэму показалось…конечно, показалось…такого не могло быть…но всё же ему показалось, что он увидел, как дрогнули уголки губ Ника после этих слов Рино. Но он быстро взял себя в руки и, вздернув бровь, смотрел, как нейтралы один за другим покидают подвал.

Младший Мокану напрягся. Впервые за всё то время, что они с Рино находились в этой пыточной, он по-настоящему напрягся. Только что её покинули трое карателей, но он лишь сейчас ощутил, что здесь по-настоящему стало жутко. Настолько жутко, что, казалось, изменился даже воздух. Стал более плотным, тяжёлым. Только сейчас у него появилось стойкое ощущение, что здесь завоняло самой смертью. Когда снова начало затягивать в пустоту взгляда отца. Никогда Сэм не думал, насколько может быть пропитан тьмой белый цвет. Насколько может он пугать, вызывая желание скрыться, вызывая желание избавиться от невидимых щупалец, которые, он снова чувствовал это, тянулись к нему из глубины мёртвого взгляда Мокану, мастерски опутывая парня.

Сэм едва не задохнулся, ощущая, как энергия смерти забивается в его рот, зажимает нос, не позволяя вдохнуть, он зажмурился, инстинктивно скрывая свои глаза, не позволяя ей проникнуть в них. А затем встрепенулся от обрушившейся на позвоночник ударной волны ярости.

– Они убили моих друзей.

Прорычал, глядя исподлобья на нейтрала перед ним. Олицетворение самого мрака во плоти: во всём чёрном с растрёпанными иссиня-чёрными волосами…и ярким контрастом белых глаз.

– Они выполняли свою работу.

Голос спокойный. Настолько, мать его, спокойный, что Сэм сжал кулаки, жалея, что не может вцепиться пальцами в идеально лежащий воротник пальто.

– Мучить вчерашних детей? В этом и состоит ваша работа…Морт?

Если бы презрением можно было убить, Мокану бы свалился замертво. Хотя, Сэм одёрнул себя мысленно: зря надеется на это – уж к чему, к чему, а к презрению его отцу не привыкать.

Ник едва заметно пожал плечами, отворачиваясь от сына и подходя к Рино, трепыхавшемуся из последних сил в кандалах.

– Ты же знал их всех, – тихо, сквозь зубы. Видит Бог, Сэм не хотел унижаться, но останки тел его друзей, всё ещё валявшиеся ненужными кусками мяса под его ногами…Уилл.

Дьявол, что эти твари вытворяли с ним?! Крики лучшего друга до сих пор стояли в ушах, а стоило забыться и закрыть глаза, как перед ними возникало его тело со снятой кожей. Сэм вдохнул через рот, только чтобы не почувствовать смрад, царивший в их камере…смрад трупов его друзей. Эти мрази явно в насмешку сняли с парня кожу целиком, как охотники снимают шкуру с медведя. Сняли и уложили прямо под ногами Сэма. И сейчас, если бы ему удалось опустить ноги на пол, то он встал бы прямо на неё…на кожу своего друга.

– Ты, мать твою, знал их всех. Ты водил нас с Уиллом на скачки и футбол…

Сэм не говорит. Не может говорить – только рычать Озлобленно. С ненавистью. На подонков, сотворивших это. На отца. На его грёбаное молчание. На то, что сукин сын даже не пытается оправдаться, хоть и слышит каждое слово сына. Только напряжённые плечи выдают его недовольство.

***

«– Мне нравится этот парень. Знаешь, милый, после всего я, возможно, подумаю о том, чтобы перебраться к нему.

Тварь со свойственным ей благоговением касается вспоротого живота Рино, пока я снимаю с него кандалы и опускаю вниз.

– После чего всего?

– После тебя, дорогой. После того, как тебя не станет.

Улыбаюсь ей, укладывая носферату на пол и закрывая его грудь ошмётками чьей-то рубашки, валявшимися неподалёку.

– Значит, ты такая же, как и все женщины. Предательница.

– Милый! – в её голосе настолько искреннее возмущение, что я невольно оглядываюсь назад, желая увидеть эту новую эмоцию на её безобразном лице. Сука хитро прищуривается, – А разве ты не знал, что женщина суть предательство? Самая первая из них, Ева, одним своим поступком предала обоих своих мужчин. Верность придумали мужчины, чтобы связать по рукам и ногам лживые похотливые натуры своих спутниц. Но рано или поздно каждая из них изменяет, предает, оставляет…Тебе ли не знать, любовь моя?!»

Последние слова почти ласково, но я-то уже научился видеть лезвия бритвы, которыми они обрастают, вонзаясь в моё тело.

Не отвечать, позволяя этой твари наслаждаться своим триумфом. Одно время было чертовски важно победить её в наших словесных баталиях, со временем пришло понимание, насколько это лишено смысла. К чему побеждать, если дрянь всё равно сведёт моё чувство триумфа к нулю, щедро отыгрываясь на мне за своё поражение новой порцией боли?

Позвал одного из охранников, стоявших за стеной, чтобы забрали бессознательное тело полукровки.

Краем глаза заметить, как Сэм порывается что-то сказать, но тут же захлопывает рот, посмотрев на вошедшего карателя. Сообразительный малый. Предпочитает дождаться, когда мы останемся с ним наедине. Впрочем, он никогда не отличался глупостью.

«– Пыыыффф….ты его знаешь-то год какой-то!»

Конечно, она не могла не съязвить.

-Что с ликаном? – глядя, как охранник с лёгкостью перебрасывает бесчувственное тело через плечо, подобно мешку с картошкой, и направляется к двери.

Он останавливается, поворачиваясь ко мне:

– Проходит допрос в соседней камере. Скорее всего, скоро лишится сознания.

Тихое рычание со стороны стены, где висит мой сын…

«– Сколько раз напоминать: не твой!»

– Сдвиги?

В глазах карателя вспыхнуло раздражение.

– Никакой информацией о месте нахождения объектов наших поисков не обладает.

Значит, сознание ему всё же вскрывали и ничего не нашли.

Отпустил стражника и медленно выдохнул. Мы остались с Сэмом одни.

***

– Ну, здравствуй, отец.

Сэм сплюнул кровь, появившуюся во рту от того, как сильно он прикусил собственный язык, пока слушал разговор нейтралов о брате. На мгновение показалось, что Мокану вздрогнул от этого жеста.

«Показалось» снова решил Сэм.

Он прищурился, вглядываясь в черты лица мужчины, стоявшего напротив. Знакомые до боли и в то же время настолько чужие, что ему хотелось закричать.

Заорать из последних сил, заставить того дать ответы на вопросы, которые всё ещё предательски вертелись в его голове. Сэм ненавидел себя именно за это – за то, что продолжал адски жаждать этих ответов. Ему хотелось освободиться и, спрыгнув вниз, пригвоздить отца к стене, заставить его рассказать, поделиться всем тем дерьмом, что творилось в его голове. А там было полное дерьмо, парень был уверен в этом.

Он стиснул челюсти, вспоминая. Вспоминая, как едва не вырвался из цепкого захвата одного из приспешников Морта, когда тот хладнокровно отдал на расправу свою жену. Парень до сих понятия не имел, какая дьявольская сила помогла ему вскочить с земли и броситься в сторону отца, безучастно смотревшего, как повалили на высушенную, выжженную огнём землю остолбеневшую от шока Марианну и поволокли куда-то, Сэм мог только догадываться, что к замку нейтралов. Тогда у него снесло на хрен весь хвалёный контроль. Вскипевший от инъекции чистейшей ярости, он вырывался из захвата стражников, чтобы вцепиться руками в воротник пальто палача, отстранённо смотревшего вслед карателям. Сэм не помнил, что он кричал. Не помнил, какие проклятия посылал в адрес отца. Он помнил только, как вдруг остановился, осознав, что тот его даже не слышит. Ощущение, что ты кричишь что-то ветру…грозишь ему кулаками, можешь даже начать стрелять в него, но пули полетят обратно, в тебя. А ветер, бушевавший в хаотично подымавшейся груди отца, вырывался наружу только порывами эмоций, вспыхивавших в глубине его глаз, которые он по-прежнему не отводил от того места, где дематериализовались каратели с пленницей.

Сэм не был идиотом, чтобы не понимать – его не отшвырнули от отца только потому, что тот запретил трогать. Что ж, в этом они однозначно были похожи. Мокану предпочитали сам приносить боль своим близким, не позволяя делать этого другим. Что старший и доказал через несколько растянувшихся в грёбаную бесконечность минут, когда растаял в воздухе, отбросив руки сына от себя.

И, чёрт бы его побрал…если бы он не сделал этого, Самуил бы лично вытряхнул из него чёрную душу и прошёлся по ней подошвами грязных сапог. Ведь он знал, куда тот направился.

***

– Здравствуй, – ответил машинально, почему-то вздрогнув, когда тот сплюнул после слова «отец». Такую ложь тяжело произносить, да, Сэм? Вот и мне тошно слышать отголоски предательства твоей матери в этом слове.

«Наконец-то, – моя девочка закатывает глаза, – хотя меня раздражает эта сука-жалость, которую я чувствую в тебе.

– Меня она тоже раздражает, детка.

– Давай убьём её? Давай напомним ей, что он не твой сын?

– Ну он мой брат…, – и почему бл**ь от каждого её напоминания больно будто в первый раз? Почему за каждое подобное замечание хочется тряхнуть тварь об стену и заставить заткнуться?

– О, Морт, ну давай откроем детдом имени Самуила Мокану и будем принимать в него всех его ублюдков? Устроишься, наконец, на нормальную «человеческую» работу, станешь уважаемым членом общества…Только нужно сразу искать здание побольше. У тебя, судя по всему, не отец был, а помесь вампира с мартовским котом».

Мысленно отмахнуться от её болтовни и подойти к Сэму. И на мгновение возненавидеть себя за боль. За его боль. За то, что сердце зашлось от желания стянуть его со стены, сняв кандалы. Ощущение, будто впиваются в мои запястья, а не в его. Будто это моё лицо испачкано в крови, и это на моих плечах и животе зияют раны. Он давно не питался, иначе регенерировал бы намного быстрее.

– Надеюсь, мне не нужно напоминать все твои права? Потому что прав у тебя здесь никаких нет. Только одно – отвечать на мои вопросы добровольно. В противном случае я всё равно добьюсь твоих ответов, но мои методы тебе не понравятся.

Мальчишка рассмеялся потрескавшимися губами.

– Так попробуй «вскрыть» и меня, как остальных. Как твоего племянника. Как твоего брата. Вскрой и не будем тратить время на глупости, Морт. Потому что, – он оттолкнулся от стены, склоняясь ко мне, и цепи протестующе звякнули,

натягиваясь, – я не скажу тебе ничего.

– Это твой выбор?

– А тебя он расстраивает?

Пожал плечами, чувствуя, как начинает подташнивать от мысли, что вряд ли придурок пойдёт на контакт…от мысли, каким образом я должен заставить его выложить правду.

– Мне безразлично. Это твой выбор. Тебе и отвечать за него.

Тихий смех сквозь явную боль.

– О, отец, ты научил меня отвечать не только за свой выбор, но и за твой. Каждый, – дёрнулся вперёд, – раз за твой, – ещё один рывок, гремя цепями, – грёбаный выбор отвечаю я. Я привык! Приступай!

Последние слова выкрикнул мне в лицо и сплюнул. В сторону, чтобы не попасть на кожу своего друга, растянутую на полу прямо под его ногами. Демонстративно встать прямо на неё, удовлетворённо ухмыльнувшись, когда он скривился от боли, но тут же скрыл вспышку страдания в глазах.

– Я сам решу, когда приступить, Сэм. Я предлагаю тебе в последний раз, расскажи сам.

– Конечно, предлагаешь, – усмехнулся и сразу скривился от боли, – ведь ты не можешь проникнуть в моё сознание, да, Морт? Ты же пытался. Или думаешь, я не чувствовал твоих попыток? Но вот сюрприз: самый грозный и беспощадный из нейтралов не так уж всесилен, когда дело касается собственного сына, так ведь?

***

«– А щенок прав, – тварь обнажила гнилые клыки в подобии улыбки, – ты не можешь проникнуть в его сознание, но кто запретит тебе сломать его по-другому? – она склоняется к моему уха, проводя кончиком пальца по предплечью.»

Отшвырнул ладонь костлявой от себя, зыркнув на неё глазами, и взбесился, увидев абсолютное безразличие на мою злость.

«– Они покромсали на куски всех его друзей, но при этом оставили в живых Смерть и выродка ликанов. Ублюдок твоего отца не настолько глуп, чтобы не понять очевидного – ты настолько жалок, что не можешь поставить на место предателей, организовавших твоё убийство.

– Закрой пасть! – процедил сквозь зубы, сатанея от бешенства, когда дрянь залилась хохотом.

– Могила – вот их место. Возле вонючего болота в проклятом лесу. Чтобы их продажные души никогда не вылезли оттуда.»

Отвернулся от неё, скривившись, когда она приблизилась настолько, что я почувствовал зловоние её дыхания. Силой воли заставить себя посмотреть в расширившиеся от удивления глаза пленника.

– С кем ты, отец?

Он прошелестел еле слышно, склонив голову набок.

Дьявол! Разговор с этим подонком словно разговор с собственным отражением!

– Кажется, я запретил тебе называть себя так.

Мне померещилось, или по его телу прошла судорога? Он повернулся влево, затем вправо, словно пытаясь увидеть кого-то.

– Ответь, с кем ты разговариваешь…папа?

Вот же сукин сын! Не сдержался. Кулаком по стене возле его головы, испытывая едкое желание врезать за то, что даже не вздрогнул, лишь прищурился в ожидании.

А я не могу. Права она. Настолько жалок, что не могу боль ему причинить. Не могу вонзиться за эту дерзость в его горло когтями и вырвать кадык, как сделал бы любому из тех, чьи куски тел сейчас валялись в этом подвале. И мерзавец пользуется этим. Понимает, что злит, и продолжает выводить из себя издевательским тоном. Одним этим проклятым словом.

В очередной раз себе задать вопрос, знает ли он? И если знает, то как относится?

«Пыыыфф, – ненавистный голос откуда-то из-за моей спины, и я резко разворачиваюсь, чтобы наткнуться на иронично поднятую бровь над ошмётками кожи на её черепе, – очевидно же, что ему с самого начала всё было известно. Он ведь, в отличие от других детей твоей шлюхи, так и не принял тебя».

– Куда твоя мать спрятала моих детей?

«– Мы, кажется, уже говорили о том, что нельзя с уверенностью утверждать…, – мерзкий скрип твари раздается уже слева, и я оборачиваюсь, чтобы зарычать, взмахнуть рукой, пытаясь достать эту худосочную мразь, с отвратительной усмешкой растаявшую в воздухе.

– Заткнись!

Очередным рывком вокруг себя, ища взглядом спрятавшуюся суку.

– Заткнись, я тебе сказал!

Еще один поворот. Я её не вижу, но ощущаю присутствие, чувствую смрад её дыхания. Совсем рядом.

И острым кинжалом по венам тихий мужской голос, пробивающийся сквозь плотный тёмный воздух, в котором я потерял из виду циничную тварь.

– Скажи, кого ты ищешь, и я покажу тебе его, Ник.

Вскинул голову на звук этого голоса, продолжая сканировать помещение взглядом, пока наконец не увидел, как эта сволочь улыбается во все зубы в самом дальнем углу подвала.

– Вот же она. Разве ты её не видишь?

– Кого?

Настолько неслышно, что пришлось напрячься, чтобы разобрать слова.

– Мою Смерть.

***

Сэму казалось, он в какой-то параллельной реальности. Он изумлённо смотрел, как мечется, словно обезумевший, взгляд его отца по стенам подвала, и чувствовал, как сжимается сердце от…жалости. Никогда он не думал, что будет испытывать это чувство по отношению к Николасу Мокану. Поначалу – потому что тот внушал что угодно, но не жалость. Страх, ужас, восхищение, уважение, любовь. Затем к этим эмоциям прибавились недоверие, презрение, ненависть. Но никогда – жалость. Никогда – желание освободиться от этих чёртовых кандалов и схватить за плечи крутящегося вокруг своей оси мужчину, который

при каждом повороте цеплял глазами сына, но словно не видел его. По телу ознобом страх. Но сейчас он боится не отца. И не того, что тот может сделать. Сейчас ему до жути страшно за мужчину, странно улыбающегося чему-то или кому-то в пустом углу.

– Господи, – Сэм выдохнул, подаваясь вперёд и гремя цепями. Ещё один медленный выдох, чтобы не показать сочувствие, которое начало поедать его грудную клетку изнутри. Его отец сошёл с ума. В очередной раз мазнул взглядом по телу сына и снова напрягся, стискивая челюсти, выискивая кого-то невидимого.

– Отец, – сказал тихо, на этот раз не стремясь задеть. Искренне. Оно само сорвалось с губ. Это беспокойство и понимание того, что нет никакого триумфа видеть таковым Николаса Мокану. Того, кто причинил столько зла ему и его семье. Того, кто всего несколько часов назад едва не отправил на смертную казнь его мать. Того, по чьему позволению друзья Сэма были растерзаны беспощадными псами Нейтралитета.

Нет никакого грёбаного триумфа. Только желание вцепиться в его шею и прижать к себе, ощущая, как успокаивается сбившееся дыхание, рвущееся из груди под чёрным пальто.

Сэм стиснул зубы…Можно казаться себе каким угодно крутым ублюдком, но только в такие минуты понимаешь, что ни хрена ты не сможешь убить источник всех твоих бед…если в твоих жилах течёт кровь этого источника, а сам ты носишь его фамилию.

Но прошло несколько секунд, и взгляд Ника сконцентрировался, стал осознанным. Мужчина остановился, распрямляя плечи, словно сбросив какой-то груз. Медленно повернул голову в сторону сына…и того затопило новой волной ненависти.

– Мне нужно местонахождение моих детей и Зорича. Прямо сейчас. В соседней камере без сознания лежит сын Кристины. И если ты не хочешь, чтобы я обил его кожей стену за твоей стеной, ты расскажешь мне добровольно всё, что тебе известно.

Сукин сын! Почему Сэм забыл, что нельзя жалеть Николаса Мокану?! Почему забыл, что этого подонка можно либо беззаветно любить, либо люто ненавидеть?

Глава 2. КУРД

Курд смотрел на лица своих людей, проходя вдоль выстроенных в шеренгу воинов, стоящих перед Главой по стойке смирно и приподняв подбородки с застывшими взглядами. Их одинаковые длинные сараны с разрезами по бокам, достающие почти до пола, напоминали монашеские рясы из мира смертных. Сам Думитру был одет в точно такую же с бордовыми полосами по низу и тремя на плечах. Иначе одевалась только инквизиция во главе с вершителем, если шли на операцию по уничтожению.

Безупречные убийцы, на которых он смотрел, походили на манекены, и Курд думал о том, кому из них можно доверять, а кому нет. Точнее, он прекрасно знал, что доверять нельзя никому, даже собственному отражению. Мысленно ухмыльнулся, подумав о том, что с Мортом его отражение сыграло злую шутку. Наверное, поэтому безумец разбил все зеркала в своей келье, и тут же Думитру почувствовал, как в венах взорвалась ненависть. Впервые Глава Нейтралитета испытывал это чувство по отношению к кому-то, но его невозможно было не ощущать, особенно сейчас, когда все больше и больше приходило осознание, что дни правления Курда подходят к концу. Впрочем, не было ни одной ситуации, которая могла бы застать его врасплох. Он продумывал всевозможные варианты своего падения (намного реже, чем варианты своего взлета, разумеется), включая немилость тех, кто стояли над ним, и у него имелся козырь в рукаве. Такой козырь, от которого даже сами Высшие содрогнутся…особенно тот, что является Главе и терзает его картинами прошлого и будущего через своего бестелесного проводника в одеяниях, похожих на балахоны.

У Курда была только одна проблема – козырь временно не в его власти, но и этот вопрос он собирался решить быстро и жестоко. Его выкрали все те же лица, которые пора срезать с голов их обладателей. Он даже вспоминать не хотел, как это случилось, потому что приходил в ярость, а Курд не любил эмоции. Он их боялся. Они всегда его пугали как самая страшная слабость, ведущая к провалу.

Пришла пора действовать, времени совершенно не осталось. Эти слабаки и плебеи уже признали своим хозяином Морта, и изменить сей факт на данном этапе невозможно, как и уничтожить чокнутого ублюдка…Но ведь даже у чокнутых ублюдков есть очень слабые места, и Курд знает каждое такое у Морта. Даже несмотря на то, в какую тварь он превратился, одно остается неизменным – вершитель все еще привязан к своим родственникам из мира бессмертных. И неважно чем: любовью или ненавистью, иногда последняя намного сильнее и держит похлеще чего бы то ни было, лишает адекватности и контроля. Равнодушие – вот где истинная власть. Полное безразличие дает ту самую мощь, которую не свергнуть даже миллионным войском. Морт никогда не мог похвастаться этим, в отличие от Думитру. Может быть, когда-нибудь это и произойдёт, но даже то, в какую лютую тварь превратился вершитель, говорит лишь о силе той боли, что он продолжает испытывать. Пожалуй, это единственное истинное удовольствие, которое Морт доставляет Курду, – знать об адских муках последнего. Нескончаемых муках, от которых тот ломает пальцы о стены, дробит себе кости и режет себе горло хрусталем, считая, что никто об этом не знает, и о тех, которые еще предстоят. У Курда много сюрпризов припасено для бывшего князя вампиров. Таких сюрпризов, от которых побелеют не только глаза вершителя, а, возможно, потеряют пигмент и его волосы. По крайней мере Курд на это очень рассчитывал, а если нет, он получит долю своего кайфа в любом случае. Когда будет убивать тварь, которую сам же и создал. Но перед казнью они поиграют в очень интересную игру, которую так любят смертные и в которую сам Курд любит играть со своими пленниками – «правда или вымысел». Да, он ее переименовал. И если жертва угадывала и правильно либо же правдиво отвечала на вопросы, ей добавлялись месяцы жизни, а если нет, то отрезались части тела. Внизу в подвалах есть такие «огрызки» бессмертных, возомнивших себя хитрее и умнее своего Главы. Огрызки без ног, без рук, без ушей и без глаз. Ползают, жрут, испражняются, но в основном кормят Курда своей кровью, ведь их боль нескончаема, а кровь, взятая в момент наивысшего страдания, – самая вкусная. Любимое лакомство Главы. Особенно в часы понижения настроения.

Глава прошел возле последней шеренги и мысленно отметил, кого возьмет с собой, когда будет покидать нейтральные земли. Кто был бы недоволен переменами и поддержал бы переворот Думитру, а еще тех, кто был ему должен и каким-либо образом висел на крючке. Всегда найдутся сообщники на любое безумие, а Курд умел быть убедительным. Его ораторские способности не раз спасали ему место и даже жизнь. Пора самому вершить правосудие и менять весь образ правления в этом мире смертных. Курду слишком мало быть тем, кем

он есть – пусть Морт занимает его место, пока тот будет подниматься намного выше проклятого вершителя.

Глава отдал воинам приказ разойтись и спустился в подвалы инквизиции Нейтралитета. Его ждали два узника. И оба были для Думитру бесценны. Оба должны сыграть свою роль в падении Братства клыкастых выскочек, создавших государство в государстве и возомнивших себя всесильными. Особенно короля, который посмел выдрать из рук Думитру нечто бесценное, то, что Глава пытался вернуть себе веками, то, что сделает самого Курда всемогущим в полном смысле этого слова. Бросил взгляд на двух стражников, стоящих по обе стороны от камеры, и те, молча ретировались вглубь коридора, давая Главе возможность самому набрать комбинацию на замке камеры и войти внутрь, прикрывая за собой дверь.

Его пленник тут же дернулся на цепях, и глаза округлились в удивлении и заблестели надеждой.

«Идиот, к тебе пришла твоя смерть. Но ты слишком туп, чтобы почуять ее и почесть в моих глазах».

– Мне обещали иное обращение. Я голоден и хочу пить. Какого чер…

Курд оборвал его излияния, заставив изогнуться неестественно на цепях, и, поморщившись от хруста костей пленника, продолжил ломать его тело и смотреть, как тот корчится в жутком приступе дикой боли. Настолько сильном, что из ушей вампира полилась кровь.

Курд резко убрал ментальные иглы, которыми протыкал нервные окончания пленника, и тот взвыл, тяжело дыша и всхлипывая, как баба. Предатели никогда не вызывали у Курда уважение, впрочем, как и фанатики, готовые молчать даже под страхом смерти. Курд вообще мало кого уважал в своей жизни. Можно сказать, никого кроме себя самого.

– О еде, воде и других подарках мы поговорим, когда я пойму, что ты и правда обладаешь нужной для меня информацией.

– Я все знаю. Я столько лет работал на вас, передавал всю информацию, все важные …

– Ты будешь говорить лишь тогда, когда я начну задавать вопросы и просить ответы на них. Пока что ты молчишь и не раздражаешь меня своим бабским нытьем.

Курд прошел к стулу, стоящему у каменной стены прямо напротив пленника, и сел на него, поправив длинное одеяние на коленях, внимательно глядя вампиру в глаза. Молод и глуп. Меньше ста лет. Завербован и внедрен к Воронову еще прошлым вершителем Курда – Акселем, которого пришлось казнить после побега Морта и его суки-жены. На секунду вспомнил о Марианне Мокану и почувствовал раздражение вместе с каким-то дьявольским чувством наслаждения. Он слышал женские крики из кельи Морта, слышал хриплые стоны боли, рыдания и тихий плач, свист плети в воздухе и рычание обезумевшего зверя. Такое разное рычание, от которого даже самому Курду становилось не по себе…Да, ему доложили, что вершитель нарушил закон Нейтралитета и держит свою бывшую жену в заточении в собственной келье. Идиот и слабак боится, что кто-то тронет его тварь. Думитру бы тронул с превеликим удовольствием, он бы разодрал ее на ошметки и даже позволил перед этим своим нейтралам трахать ее во все дыры, невзирая на запрет, но наивысшее наслаждение – это знать, что тот сам ее мучает, истязает и корчится в бесконечной агонии вместе с ней. И плевать, что сукин сын, наверняка, нарушая целибат, сам систематически насилует свою пленницу! Пусть причинит ей как можно больше боли. В чем в чем, а в дикой жестокости своего вершителя Глава не сомневался. А даже в чем-то и ужасался изощренности этого садиста. Но Курд безумно ненавидел эту дрянь с сиреневыми глазами не меньше, чем самого Морта. И ему нравилось осознавать, что заставил их обоих играть в его маленьком спектакле с подменой памяти. Когда Морт лично убьет свою шлюху, месть Главы наполовину осуществится. Своих убивать больно и тяжело. А убивать медленно тяжелее втройне. Курд в свое время сделал это очень быстро, и все рано иногда во сне к нему возвращались их лица и глаза, полные любви и упрека.

– Водыыыы, – простонал пленник и Курд вскинул на него тяжелый взгляд темно-карих глаз.

– Начнем с самого начала. Где прячется Король и его семейство?

– У меня пересохло в горле… я не могу говорить.

– А если я вскрою его и вытяну голосовые связки щипцами, ты сможешь говорить со мной мысленно. Точнее, я вдерусь в твой мозг и заставлю это делать.

Пленный дернулся от ужаса, а Курд начал раздражаться. Ему хотелось побыстрее все узнать и начать действовать. Он чувствовал, что время его сильно поджимает.

– Они все находятся в пещере у скалы. Сразу за Асфентусом по дороге на Арказар есть лабиринт Мертвых Камней.

Курд знал, о каком месте говорит ублюдок – это лабиринт жертвоприношений высшим. Когда-то туда приводили смертных и оставляли. Чтобы потом найти обескровленные иссушенные тела. Лабиринт как раз находился за Белым Храмом, воздвигнутым для поклонения этим существам, которых когда-то называли богами.

– И что? За лабиринтом начинается приграничная зона. Там нет никакой пещеры!

– Дддда…верно. – пленник быстро закивал, и светлые волосы упали ему на лоб. А голубые глаза заблестели все той же надеждой, – Приграничная зона и скала так и называется Невидимый Пик. – Курд знал и это. Но пленного не перебивал, – Если пройти через лабиринт Мертвых Камней, то вы выйдете к берегу ядовитой реки. Текущей из Мендемая. Только так можно увидеть пещеру.

– И что? Король прячется именно там? Почему я должен тебе верить? Ты знаешь, что меня волнует сундук. Он взял его с собой?

– Не знаю…насчет сундука не знаю. Он прятал его несколько дней назад в самом лабиринте. Они охраняют его по очереди. Думаю, что его. Больше там нечего охранять. Отпустите меня…мне обещали…

Курд отвел взгляд от пленника и медленно выдохнул. Значит, король сумел сбежать за пределы Асфентуса и даже пройти через лабиринт. Не иначе как его сука-чанкр провела отряд.

– Сколько их там? Мне нужно знать точное количество.

Вскоре он знал всё: и сколько вампиров охраняют лабиринт, и кто, и когда выезжает за едой, и даже, как долго они там будут пребывать и куда двинутся через неделю. Когда Курд выходил из камеры, пленник дергался на цепях и орал:

– Вы обещали меня пощадить. Внести в писки помилованных. Обещалиии. Я работал на вас столько лет. Внесите меня в списки…Артура Яворского. Вы обещалиии.

Курд ухмыльнулся – да, он обещал не убивать ублюдка и дать ему еды, и воды. И он свое обещание выполнит. А убьет его сам Морт, когда поймет, что эта трусливая мразь сдала его родственников Главе и этим подписала им всем смертный приговор.

***

Ему и самому не помешал бы чанкр в дороге, который провел бы его через лабиринт Мертвых Камней. Показал бы дорогу. И Курд знал, где его взять. Но не знал, получится ли его завербовать. Но он готов был все же попробовать.

Когда он спустился ярусом ниже к камерам, где содержались особо опасные преступники, стража так же молчаливо впустила его в камеру Самуила Мокану.

Мокану…Курда раздражала даже эта фамилия. Намного больше, чем фамилия Воронов в свое время. И пацан этот, так похожий на своего отца, тоже раздражал. Как можно было усомниться в собственном отцовстве, если сукин сын похож как две капли воды и внешне, и характером? Но дикая ревность и патологическая ненависть к себе сыграли злую шутку с Мортом. Потому что себя надо любить, только тогда все это не имеет никакого значения: чье-то предательство, измена и так далее. Потому что сам себе ты никогда не изменишь, а на остальных просто плевать.

Обвел пленника взглядом – висит на цепях рядом с разложившимися трупами своих друзей и смотрит так, будто Курд вошел в его роскошные хоромы и помешал отдыху. Наглый. Спесивый ублюдок, которого не коснулись ни плети инквизиции, ни щипцы, ни ментальные пытки. Морт не смог. Слабак. Жалкий слабак, каким бы сильным ни казался.

Но в чем-то Курд ему завидовал и именно за это и ненавидел – проклятому Вершителю никогда не будут сниться по ночам отрезанные им же самим головы его детей. А Курду снились, иногда даже виделись наяву. Но он не должен об этом думать – в этом его сила. Он не привязан ни к кому.

Курд обошел парня со всех сторон, рассматривая сильное смуглое тело, обнаженное до пояса. Неплохой бы получился солдат для нейтралитета и для войска самого Думитру.

– Я вижу, у некоторых есть привилегии даже в инквизиции Нейтралитета.

Остановился напротив Мокану-младшего и сложил руки на груди, сверкая перстнями.

– Ну если это привилегии, то я не хотел бы знать, что значит прямая протекция.

Дерзит. Интересно, знает, кто перед ним или нет? Конечно же, знает. Курд снова обошел вокруг пленника, прекрасно осознавая, что это нервирует, особенно когда он стоит сзади.

– Привилегии могут быть разными, мальчик. Полезными и бесполезными. Например, болтаться здесь на балке, вбитой в потолок, закованным в цепи весьма сомнительное удовольствие, верно?

– А вы хотите предложить мне болтаться в другом месте с менее сомнительным удовольствием, верно?

Курд рассмеялся, и парень вместе с ним, только глаза синие остались холодными, как ледяные пики на той самой невидимой скале.

– Я пока что ничего тебе не предлагал…но ты прав, я пришел сюда именно за этим.

Снова стал напротив парня и даже подошел поближе. Увидел, как тот вздрогнул, глядя вниз, и опустил взгляд на окровавленные лохмотья кожи – ублюдок Мокану явно тяжело переживал смерть своих друзей, убитых собственным отцом. Курд преодолел желание пройтись по останкам, демонстративно

продолжая их рассматривать.

– С тобой он поступит точно так же. Не сейчас. Чуть позже. Я знаю. Я видел распоряжение вершителя.

Резко взглянул на парня и увидел, как тот сжал челюсти.

– Наверное, это больно осознавать, что тебя убьет родной отец?

Взгляд юнца стал непроницаемым. Смотрит исподлобья, и широкие брови сошлись на переносице. Не торопиться стать разговорчивей. Нужно найти болевую точку и надавить на нее. И отец – это не самое больное место мальчишки. Но обязательно оно есть. Такое место…оно имеется у всех.

– Что он считает твою мать шлюхой и сомневается в своем отцовстве, ты, наверняка, тоже знаешь?

Если бы в руках Главы была плеть то, наверное, точно так же пленник взвивался бы от ее ударов. Вначале несильных…но достаточно ощутимых. Как проверка на болевой порог. Это был тот самый удар, от которого Самуил вздрогнул.

– Я думаю, ты так же знаешь, что он держит твою мать в своей келье на цепи? Как животное?

Шаг в сторону для нового обхода вокруг, с наслаждением впитывая страдания пленника, который не сдержал стон и стиснул руки в кулаки, дергая цепями.

– А то что он ее лишил голоса? – еще шаг под вздрагивание, которое похоже на реакцию от ударов по голому мясу, – Что он бьет ее и зверски насилует каждый день?

Рык и судорожный вдох без выдоха. Не шевелится. Обошел парня и стал напротив, с трудом удержавшись чтобы не закатить глаза от удовольствия при взгляде на дикую муку, исказившую лицо Самуила.

– Она теперь немая и даже не может закричать, когда подонок рвет ее на части.

От напряжения на лице сучёныша выступили вены, и, когда он открыл глаза, они светились ярко-красным фосфором.

– Убьюююю тварь! Я его…убью!

У каждого есть свои слабости…у обоих Мокану это одна и та же женщина. Так все просто. Проще и не придумать. И ведь ни слова лжи на этот раз. У Морта появился личный палач. А ведь это было бы очень забавно – убить отца руками сына, а немая сучка чтобы за всем этим наблюдала. Интересно, она наложит на себя руки до последнего акта представления или после?

– Ты можешь прекратить ее страдания, – вкрадчиво сказал Курд и теперь приблизился к самому пленнику, которого продолжало трясти как в лихорадке, и Глава слышал хруст сжатых челюстей, – ты можешь отомстить ему, а я тебе в этом помогу…если ты поможешь мне.

Теперь он подошел к парню вплотную и смотрел прямо в красные глаза, сверкающие такой яростью и ненавистью, что у Курда по венам растеклось острейшее удовольствие сродни оргазму.

– Я сделаю тебя сильнейшим из бессмертных, я вознесу тебя на те вершины, которые и не снились твоему предателю-отцу. Ты сам будешь вершить справедливость, мальчик. Ты согласен, Самуил Мокану? Согласен стать нейтралом и помочь мне уничтожить своего отца?

Несколько минут молчания. Долгих минут. Все это время Курд не сводил взгляда с лица юного отпрыска Морта. С точной его копии. Капли пота стекали по скулам юноши и по его вискам, дрожали солью на губах. Наконец-то тот медленно открыл глаза, и спокойно посмотрев на Главу, отчетливо произнес.

– Что от меня для этого требуется?

Глава 3. СЭМ

У каждого есть своя точка невозврата. У некоторых даже несколько. Когда ты неосознанно ставишь позади самой первой вторую, затем третью…Наиболее слабые чертят не просто многоточие, а пунктирные линии, которым не видно ни конца ни края. Самуил Мокану никогда не считал себя слабаком, а самое страшное – никогда им не был. Поэтому его точка невозврата состоялась в том подвале, пока на цепях висел и слушал Курда. Хотя нет, не слушал. Глава понимал: такой, как Сэм, не поверит ни единому слову своего врага. Поэтому он не просто говорил – он с самым искренним наслаждением позволял сыну Морта считывать с себя воспоминания. Сэм не просто слышал, он видел всё то, что видел Думитру. Он вздрагивал от звуков, доносившихся из кельи отца, и Глава едва сдерживал довольное рычание, поглощая в себя ту ненависть, которая вскипала в венах молодого Мокану.

Сэм видел триумф на лице ублюдка. Но ему было плевать в этот момент на победу, которую тот одержал над их семьей. Разве имеет значение, что именно празднует твой враг, если от этой семьи остались жалкие ошмётки? Если осталась только горечь воспоминаний и едкое чувство безысходности перед безумием отца?

Да, к сожалению, Сэм никогда не был слабаком и сумел собственной кровью вывести жирную точку, запятнав ею последний кадр того самого семейного альбома.

Сэм перевернулся на живот и громко застонал от боли. Всё тело не просто болело. Нееет. Казалось, он сам и есть боль. Она пульсировала в каждой клетке, она дрожала на кончиках трясущихся пальцев, которыми он пытался откинуть влажные от пота волосы со лба и не смог. Руки были словно свинцовые: тяжёлые и неподъёмные. Первое время он не мог даже дышать. Дыхание вырывалось из груди со свистом, рвано и через страдания. Грудь поднималась от попытки сделать вздох, и Сэм кричал, потому что чувствовал, как крошились на части кости грудной клетки. Он тут же останавливался и кусал губы, когда от нехватки кислорода схватывало горло. От привкуса прогнившей крови во рту тошнило и тянуло выблевать внутренности. Так, наверное, умирают бессмертные. Но Сэм не умирал. Он воскрешал. Воскрешал нейтралом после ритуала, проведённого Курдом и его сообщниками…день назад? Неделю? Месяц? Сэм пока понятия не имел. Он не представлял, сколько провалялся бесчувственным трупом в какой-то пещере, продуваемой всеми ветрами. Помнил только, как проснулся от жуткого холода, как колотило всё тело и от озноба

стучали зубы.

Вот когда ему стало страшно. Когда постарался понять, сколько времени прошло с тех пор, когда он склонил колени перед фигурой в длинном чёрном одеянии. Сэм невольно отшатнулся тогда, увидев, что фигура не стояла на земле, а словно парила над ней. Страх. Он вдруг ясно ощутил, что фигура вызывала у него страх. Именно вызывала. Намеренно. Словно копаясь в его голове, протягивая холодные длинные щупальца своей энергии к его эмоциональной сетке, чтобы вытянуть нужные струны, поигрывая ими на пронзающем ветру его сознания. Первой реакцией стало сопротивление. Сэм попытался закрыться…и не смог. Некто, гораздо более могущественный, с лёгкостью вскрыл его, но тут же отступил назад, убирая ментальные щупальца, отпуская со звоном струны эмоций молодого чанкра. Словно давая в последний раз сделать выбор. И Сэм сделал его. Сцепив зубы и проклиная себя мысленно за проявленную слабость, склонил голову, протягивая руку за чашей, в которой плескалось нечто, напоминавшее по запаху кровь, а на вкус оказавшееся откровенным дерьмом.

Какие-то слова, игры с энергией, словно этот некто вплетал свою частицу в неё…а после глоток этой зловонной жижи, и Сэма вырубило. Вырубило с единственной мыслью в голове: даже если он не переживёт это обращение, по крайней мере, он сдохнет почти равным по силе с тем, кого считал своим отцом.

И он бы расхохотался, очнувшись. Он бы позволил своему смеху взорваться под сводами пещеры, нарушив мерное капание вод, стекавших с потолка. Возможно, он даже попробовал бы сразу связаться с матерью, как только пришёл в себя…если бы мог. А он не мог. Только разомкнуть горевшие словно в огне веки и смотреть, как ползут над головой мокрицы. Омерзительные, тошнотворные. Состоящие из мышц. Излучающие силу. Наверное, именно в этом и проявляется могущество – не в красоте, не в эстетике, а в способности выживать без рук и без ног, превращаться в тварь, готовую выгрызать себе путь любыми способами, на любой поверхности и в любом положении.

Пару раз он ощущал где-то рядом энергетику Курда. Он его не видел, но понял, что именно Глава стоял у самого входа в пещеру. Пару раз ублюдок даже ощутимо пнул его в бок, словно проверяя, жив ли младший Мокану. Видимо, в тот момент Сэм даже не дышал.

А ещё однажды ему показалось…точнее, он ощутил присутствие другого нейтрала. Словно бред. Кошмар, в который трансформируется с невиданной скоростью ваш сон. Кошмар, в котором вы пытаетесь закричать, но не можете издать ни звука. Кошмар, в котором вы пытаетесь оглянуться, но не можете двинуть и шеей. В котором вы бежите вверх от чудища по лестнице, и она обрывается…и вы бы спрыгнули вниз, выбирая разбиться к чертям…и вы даже делаете этот прыжок, но ваши ноги стали слишком ватными, вы превратились в бесполезный мешок с кучей желейных костей, неспособный сделать даже шага.

Однажды он почувствовал рядом со своим бездвижным телом отца. Он не мог это объяснить самому себе, но если раньше он просто ощущал запах Ника или его присутствие рядом, то сейчас энергия отца, частица его забилась где-то в самом Самуиле, оглушила его слабое сознание. Он попытался открыть глаза, и ему даже удалось слегка разлепить их, чтобы заорать…но только мысленно, потому что вслух он этого сделать физически не смог…чтобы заорать, когда над его лицом нависло такое родное лицо с ненавистными белыми глазами. Обесцвеченными, до адской боли чужими глазами, в которых плескалась ненависть. Целую вечность в ней плескалась, и всего доли секунд вдруг Сэм увидел сквозь прикрытые ресницы, как синяя радужка в глазах отца ярко вспыхнула и даже горела…горела эти доли секунд, что Мокану смотрел на того, кого отказывался называть сыном. Жалкие мгновения, в которые в его виски словно врезались одновременно тысячи острейших игл.

А через несколько часов он проснулся окончательно уже без едкой, выворачивавшей наизнанку боли в районе груди. Очнулся преисполненным невероятной силой, которая ревела внутри него зверем.

***

– Ты ничего не говорил о том, что собираешься в Мендемай. Сейчас, в разгар войны.

Сэм сжал кулаки, глядя со злостью в безразличное лицо Курда, увлечённо стряхивавшего с пальто снежинки. Почему-то отметил про себя, что здесь, на вершинах гор, снег крупный и твёрдый, в сугробах ноги не проваливаются, а ступают по ним, словно по льду.

– Насколько я помню, я вообще не раскрывал наших планов.

– Твоих планов.

– Ну-ну, мальчик мой, в итоге мы с тобой придём к одному финалу.

– Очень сомневаюсь, Думитру.

– А вот это правильно – не верить никому и никогда, Самуил. Это главное качество нейтралов.

– И тебе в том числе, – Мокану сел на пол и протянул ладони к костру. Странно, даже став нейтралом, он не перестал ощущать вечный холод внутри.

– Мне – в первую очередь, – Курд усмехнулся, усаживаясь напротив него, оглядел медленно пещеру, в которой они были. Значит, подбирает слова…или же намеренно тянет время. Сэм ослабил ментальные щиты, возможно, Глава старается прочесть его…но тот просто выжидал. Самуил же изучал его. Изучал так, как не делал этого никогда раньше. Изнутри. Теперь он знал, что может сделать нечто подобное. Когда впервые просочился сквозь аналогичные щиты Главы Нейтралитета, тот вздрогнул от неожиданности и оскалился, но всё же смог закрыться вторым эшелоном, не пропуская сына Морта дальше в свои мысли. Сэм тогда улыбнулся, поняв, что если будет тренироваться, то сможет когда-нибудь поставить ублюдка на колени.

Думитру бросил на него взгляд, видимо, ожидая вопроса о том, какого чёрта он держал новообращённого нейтрала вдалеке от всех, и Сэм, действительно, понятия не имел, где они находились. Он пытался телепортироваться отсюда, но так и не смог. Проклятый лес. Так назвал это место Курд. Хотя, если быть точными, подонок на вопрос, где они прячутся, тогда ответил примерно следующее:

«– Там же, где была бы и могила твоих родителей, если бы не досадный случай. Согласись, это было бы так красиво и в то же время сентиментально – обратить сына, сделать его сильнее в сто раз там, где упокоились души его родителей.

– Ты про тот досадный случай, когда мой дед обвёл вокруг пальца целый Нейтралитет? Сразу после того, как мой отец оставил вас с носом и сбежал с моей матерью прямо из-под носа у целого Нейтралитета?»

Сэм продолжал молча греть руки над костром, то приближая ладони к языкам пламени, то отдаляя их. Укрыв своё сознание подобием плотной каменной стены, он думал о том, что так и не смог связаться с матерью. Сколько ни пытался сделать это. Глухо. Словно её держали в каком-то вакууме или бункере, в который не проступал ни один сигнал. Иногда парень покрывался потом, понимая, что даже не может определить, жива ли она вообще. Конечно, он старался вырваться из этого замкнутого пространства. Когда понял, что не сможет телепортироваться, и не может воззвать к ублюдку-главе, то шёл пешком. Он понятия не имел куда. Но сидеть в этой забытой Богом пещере и ждать у него не было сил. Он прыгал по кронам деревьев, пытаясь дойти хотя бы куда-нибудь, в любое место, которое не будет сдерживать его силу…но всегда оказывался возле грёбаной пещеры, о которую бились, зверски воя, подобно волкам, ветра.

Он звал Камиллу и Велеса в надежде, что не может почувствовать Марианну только потому, что она была слаба, а не потому, что лес глушил его способности. Но все его ментальные запросы бились о невидимый блок. А вчера…вчера он впервые с момента своего обращения воззвал к отцу. По имени, невольно сжимая и разжимая ладони в ожидании ответа…и в то же время даже примерно не зная, что скажет, если вдруг тот ответит. Но чудес не бывает. Даже для Морта не было сделано исключения. И Самуил провёл остаток дня, сбивая костяшки пальцев о каменные своды своего нового жилища.

– Если тебя интересует твоя мать, – голос Курда заставил вскинуть голову и посмотреть в его глаза, – то она жива.

Сэм молча кивнул, не опуская взгляда и продолжая разглядывать жёсткие черты лица главного нейтрала.

– Если же тебя интересует её состояние, то, – Глава не сдерживает усмешки, видя, как напрягся молодой Мокану, – она жива.

Парень зарычал, резко подавшись вперёд и склонившись над самым костром. Курд невольно скосил глаза вниз, ещё немного – и оранжевые языки лизнут ткань пальто мальчишки.

– Не играй со мной в эти игры, Думитру.

Курд поджал недовольно губы. Один в один тон Морта. Чем занимались эти Мокану в свои семейные вечера? Учились говорить одинаково безапелляционно и угрожающе? Или вот так суживать глаза, чтобы у собеседника мурашки ползали по самому позвоночнику от этого уничтожающего взгляда? Впрочем, с Курдом эти штучки точно не могли прокатить. Он лишь сложил руки на груди, продолжая разглядывать копию Ника перед собой.

– Если ты хочешь моего сотрудничества, ты сейчас же вывезешь меня туда, откуда я смогу связаться с матерью и с любым членом своей семьи!

Серые глаза Главы предупреждающе сверкнули.

– Осторожнее, Шторм, не начинай игру, в которой заведомо тебя ждёт фиаско. Все твои способности, мальчик, – Курд привстал, подаваясь вперёд и приблизив своё лицо к лицу новообращённого, – не значат ровным счётом ничего по сравнению с моей силой. Впрочем, – он сдержал улыбку, когда в синих глазах парня блеснула ярость, – ты всегда можешь проверить это. Можешь даже прямо сейчас. Но ведь ты не будешь, так? Иначе это место станет твоей могилой навечно…при любом исходе.

Глава долго ждал, но всё же дождался, когда Мокану сел на своё место и, склонив голову набок, приготовился его слушать, на мгновение зажмурив глаза, пряча за ресницами порывы синих ветров. Каким бы хладнокровным ни был этот паренёк, как бы ни старался сдержать свои эмоции, у Курда в висках билось одно слово при взгляде на него. Шторм. Всё же это имя идеально подходило ему. Мерзавец Морт не ошибся. Да, Курд воспользовался ассоциацией отца при выборе имени сыну. Пока выводил собственной кровью эти пять букв на его обнажённых плечах, вспоминал, как увидел торнадо, бушевавшее в сознании Морта рядом с мыслями о старшем отпрыске.

– Твой отец и его брат забрали у меня одну важную вещь. Нечто, что им не может принадлежать по определению и имеет почти сакральное значение для всех бессмертных.

– Не могу поверить, что слышу о божественной сути от самого Главы Нейтралитета. Какой религии придерживается тот, кого все называют жесточайшим из бессмертных? – Мокану ухмыльнулся.

– Своей собственной, – Курд раздражённо повёл плечами.

– Понимаю, – Сэм коротко кивнул, – и даже уже вижу фрески с твоим изобра…прости, с изображением твоего Господа на полках в твоём кабинете. И что грозит твоему собственному Богу, если ты не вернёшь эту вещь?

– То же, что грозит тем, кто её выкрал. И тем, кто готов поддержать их. И тем, кто, – Курд прищурился, – носит одну фамилию с твоим отцом и его братом…фамилию и кровь. Смерть. Полное уничтожение. Ты можешь прочитать меня мальчик. И ты нагло делаешь это прямо сейчас, значит, видишь, что я честен перед тобой. Весь твой род будет истреблён. Как и род Вороновых. Подчистую. Если мы не вернём эту вещь тем, кто её создал. Тем, для кого тысячи жизней бессмертных не стоят и кусочка плоти их создателей.

Шторм медленно вдыхал в себя эмоции своего создателя. Тот на самом деле не лгал. Хотя упорно пытался скрыть одну из них, слабым дымом вившуюся вокруг его слов. Но Сэм успел коснуться её своим сознанием и едва удивлённо не отпрянул. Страх. Глава боялся и именно поэтому был готов на всё, чтобы вернуть тем, кого называл в своей голове Высшими, этот артефакт.

– Это сундук. В нём хранится нечто бесценное, нечто уникальное и невероятное мощное. В нём хранится кровь и плоть Высших.

– Высших?

– Мы зовём их так. Точнее, они позволяют нам называть себя так. Мы не знаем, как они называют себя сами, как они выглядят, где обитают и почему им вообще интересен наш мир. Но они следят за ним. Они и есть тот баланс между мирами, которому ты и я призваны служить.

– А Нейтралитет – их оружие в этом деле?

– Именно. Мы не знаем, кто из них создал нас…но это сделали они. Одного ты видел во время своего ритуала. Я вижу его образ в твоей голове. Странно. Ты должен был забыть его после обращения. Ты ведь, наверняка, чувствовал моё присутствие, даже находясь без сознания, Шторм. Так вот, в тебе говорила их кровь. Во всех нейтралах есть частица их ДНК. Нечто, что позволяет нам быть сильнее остальных бессмертных.

Сэм кивнул, сосредоточенно и жадно впитывая в себя информацию. Ту, которую с таким рвением искал несколько лез назад вместе с Зоричем, но так и не нашёл.

– Я читал, что нейтралы – единственная раса, созданная искусственно, а не природой.

– Всё так. И, я уверен, ты не раз ломал голову над тем, кому это могло понадобиться? Сотворить настолько могущественный вид существ. Кому и зачем. – Мокану снова кивнул, и Курд продолжил, – Никто из них, естественно, не объяснял своих мотивов. Но нейтралам был оглашён список задач, для выполнения которых им дали карт-бланш.

– Сохранение мира между всеми расами, – Шторм загнул палец и вопросительно посмотрел на Главу.

– Да, и для этой цели мы стали главными судьями в мире бессмертных. Но есть ещё две, не менее значимые для Высших. Это сохранение Асфентуса во власти нейтралов и охрана сундука.

– Сундука или его содержимого?

– Сундука с его содержимым. Они неделимы. Одно без другого не представляет для Высших никакой ценности. Подозреваю, что содержимое вполне может испортиться без контейнера.

– Но что именно спрятано в нём?

– Кровь и плоть наших создателей. Или одного из них.

Шторм стиснул зубы, а Глава пожал плечами.

– В любом случае – нечто, за что я, а теперь и ты, отвечаем не только собственной головой, но и головами своих близких. И мои риски, Шторм, в отличие от твоих, в этой войне горааааздо меньше.

Самуил медленно выдохнул, прикрывая ресницами глаза и снова гася порывы ветров, закружившихся в тёмной окружности его зрачков.

– Каким образом можно было украсть сундук у Нейтралитета?

Курд замолчал. Он не захотел рассказывать о том, что спрятал тогда сундук, решив оставить его при себе как гарантию безопасности, если история с побегом Морта и Свирски откроется. Правда, тогда он пошёл на этот шаг только после появления в его комнате одного из Высших, удивительно похожего на человека и в то же время неуловимо отличавшегося от людей. Только мощь, бушевавшая в каждой клетке тела того существа и то, что оно смогло беспрепятственно не только найти горы, но и оказаться прямо возле кровати Главы, позволила тому понять, кто перед ним. Тогда Высший на человеческом языке намекнул Курду, что сундук можно придержать и у себя, не отдавая тому существу, которое обычно вызывало к себе Главу. Дьявол раздери этих тварей, Думитру понятия не имел, какую игру между собой вели эти существа, но он понимал, что невольно оказался в самом эпицентре их игры, и посчитал разумным предложение второго Высшего.

Он спрятал сундук в месте, в которое никто и никогда не заходил добровольно. В этом самом Проклятом лесу. На самой окраине, вырыв глубокую яму в промерзшей земле неприметной с первого взгляда пещеры. Туда, куда ублюдку Морту по всем законам физики не следовало соваться после произошедшего здесь. Но эта мразь всё же сунулась. Сунулась и выкрала сундук вместе со своим помощником-сербом и королём. Каким образом бывший князь узнал о месте захоронения сундука, Курд старался не думать. Хоть и понимал – способ был только один – подонок прочитал Главу…а тот даже не ощутил проникновения в свой мозг, так как даже не знал, в какой момент это произошло.

От яростного рёва Главы содрогнулись даже горы, когда тот обнаружил пропажу. И только его верный источник раскрыл, кто совершил это преступление. Вот почему получить голову Влада Воронова стало для Курда целью не менее важной, чем вернуть сундук. Воронова и его не в меру наглого братца. Но если второго Курд более или менее изучил и знал, на какие рычаги давить, то первый представлял для него всё же больше проблем. Особенно если учитывать, что до недавних времён Морт активно скрывал брата и семью от гнева Главы.

– Когда ты один из сильнейших нейтралов, тебе подвластно почти всё, – Курд смерил парня долгим взглядом, – а Морт именно один из них. Второй.

Сэм замолчал, обдумывая полученную информация, и Курд позволил отпрыску Мокану спокойно предаться этому занятию. Потом заговорил.

– У нас есть подозрения о возможном месте хранения сундука. И мы отправимся туда сразу после того, как я…

– Подожди, – Шторм зашипел, приподнимаясь на колени, – я согласился стать нейтралом не для того, чтобы стать твоим помощником. Вспомни, что ты обещал мне, Думитру, – его голос менялся, становясь ниже, переходя на рык.

– Ты нейтрал и не имеешь права отказываться нести свою службу, Шторм. В противном случае – смерть.

– Мне плевать, – звериные нотки, отскакивающие от темных влажных стен, продирающиеся сквозь кожу оппонента, пробирающие до костей, – сначала дай мне разобраться с отцом…

Курд подобрался, выпрямляясь.

– Твой отец исчез. Вместе с твоей матерью, Шторм.

Парень зарычал и кинулся на Главу прямо через пламя костра, повалил его на землю, не обращая внимания на загоревшееся пальто.

– Сукин сын, ты обещал мне…Почему ты не уследил?

Курд отшвырнул его от себя, и тот ударился об стену, сползая на пол и тут же вскакивая, чтобы броситься на оппонента. Идиотская дерзость для того, кто совсем недавно подыхал обессиленным на этой самой земле.

– Тебе не победить меня, Шторм. Не в таком состоянии. А значит, – Курд недовольно поморщился, вынужденный сказать следующее, – тебе не победить своего отца. Того, кто перестал себя считать таковым. И увидит в тебе лишь доказательство предательства своей женщины. Что захочет сделать он с тобой? Размозжит об эту стену как слепого котёнка. При всех своих способностях чанкра, ты не умеешь пользоваться новообретёнными возможностями. Ты чувствуешь мощь, которая бурлит сейчас в твоей крови, но ты не умеешь пользоваться ею. Более того, твоё тело физически ещё не готово полностью овладеть этим даром. Я буду искать пути к твоим родителям, а ты возьми время для того, чтобы хотя бы приблизиться в своей силе к Морту. Потому что могущественнее него сейчас на этой планете нет никого.

Сэм некоторое время молчал, и Курд знал, что делает парень – пытается обуздать рвущиеся эмоции, обдумывает своё дальнейшее поведение. Через несколько мгновений он, как ни в чём ни бывало, снова подсел к костру и, протянув руки к пламени, спросил, посмотрев на Курда так, что Глава невольно стиснул челюсти.

– В таком случае у тебя есть возможность честно рассказать мне, Думитру, каким образом удалось моему отцу, говоря твоими словами, второму по своей силе нейтралу изгнать первого из его же дворца. И если ты будешь максимально честен со мной, я даже обещаю не смеяться над тем, с какой лёгкостью тебя предали те, кто ещё недавно дрожали, как осиновые листы, только от звука твоего имени.

Мерзавец прочёл его в тот момент, когда набросился. А возможно, именно поэтому и позволил себе сорваться, чтобы вскрыть щиты Главы. И еще вчера бы Курд вырвал сердце хама одним движением руки, но сегодня Самуил должен был стать важной деталью в машине его мести Мокану. Да, Шторм сказал правду. Курду пришлось бежать из собственного дворца. Бежать, потому что Морт поднял восстание. Собрав под своим предводительством большую часть нейтралов, ублюдок собирался осуществить покушение и на самого Думитру, после которого Курда должны были обезглавить. Об этом ему донёс один из вершителей, подыгравший Морту после того, как тот уничтожил львиную долю

несогласных с новым предводителем. Перебежчик подал ментальный сигнал бывшему Главе и тем самым спас ему жизнь. Сейчас к подножию гор Нейтралитета было не подступиться. По периметру Морт выставил охрану из недовольных режимом Курда солдат, обозлённых и имевших на руках один приказ – убить всех бессмертных, поддерживавших Думитру, а самого свергнутого Главу привести к Морту живым.

Сейчас же Курд смотрел на Шторма и думал о том, что поддержка отпрыска Мокану ему будет очень кстати в этой ситуации. Возможно, потому что он сам уже ощущал эту силу, от которой вспенивалась кровь молодого чанкра. А возможно, потому что знал – таким, как этот ублюдок, наполненным яростью и ненавистью, потребуется катастрофически мало времени для того, чтобы обуздать свои способности.

***

Влад смотрел, как падает снег, как опускается он безмятежно на волосы дочери, сверкавшие самым настоящим золотом на морозном солнце, и думал о том, как давно не прижимал её к груди. Бросил взгляд на Габриэля, улыбнувшегося в ответ на какую-то шутку Кристины. Вот почему. Рядом с ней был мужчина, который теперь обнимал его принцессу, который стал её надёжным плечом и опорой.

– Пааап, – Кристина улыбнулась, смотря прямо в глаза отца, – почему ты смотришь так на нас?

Он и забыл, насколько красивая улыбка у его девочки. В последнее время на её лице прочно поселились печаль и боль.

Влад подошёл и молча обнял дочь, медленно выдохнув, когда ты просунула тонкие руки под его руками и обняла в ответ. Подняла голову, в синих глазах затаились изумление и настороженность.

– Пааап?

–Что? – Влад прикоснулся губами ко лбу девушки, – разве я не могу обнять собственную дочь? Даже если у нее у самой есть дети и муж, она навсегда останется моей маленькой девочкой.

Кристина уткнулась лицом в грудь отца, расслабляясь в его объятиях. Сколько им пришлось пережить вместе. Такая сильная его малышка. Даже в этой войне ни разу не показала своей слабости. Ни рядом с повзрослевшим сыном, ставшим куда выше и сильнее неё самой, ни рядом с мужем, стеной стоявшим за её спиной, она не позволяла себе вот так обмякнуть всем телом, вот так обнажить свои страхи, цепляясь тонкими пальчиками за спину отца.

Сколько раз он прижимал к себе Анну, эгоистично и чисто по-мужски окутывая её своей любовью и защитой. И сейчас оказалось таким правильным завернуть в кокон своей силы и дочь. Хотя бы одну из них. Сердце болезненно сжалось при мысли о второй. Дьявол, где она была сейчас? И с кем? Больше всего боялся Влад самого очевидного ответа – с самим Дьяволом и была. С тем, которому поверила в очередной раз и которому король отказывался отдать жизни любимых.

– Пап, не думай об этом, – Кристина погладила его по спине, вскидывая голову и глядя в потемневшие глаза Влада. Боль, отразившаяся в них, отдалась эхом в её собственных, – я не говорю, что это правильно…то, что мы оставили, – сдерживает рвущийся из горла всхлип, – оставили её. Но мы не можем рисковать нашими детьми.

– Я знаю, моя девочка, – ещё одно прикосновение губами ко лбу дочери, – тем более, Мстислав, Рино, Сэм и Велес, они там, – сжал сильнее руки, когда Тина всё же всхлипнула на имени сына, – они сильные, они добудут оружие.

Безысходность. Вот что чувствовал каждый из них. Нет ничего хуже, чем оставить своего ребенка в смертельной опасности и отправиться в неизвестность. Но они несли ответственность и за других своих детей. За тех, которые не могли самостоятельно сражаться. Хотя здесь, вдали от них, в абсолютном неведении это оправдание казалось таким жалким, что король еле сдерживался от желания сорваться и вернуться назад, оставив Габриэля с женщинами и детьми. Назад, где он встанет бок о бок с Изгоем, с Рино и с внуками, сильными крепкими мужчинами, лицом к лицу против своего брата, будь проклят этот ублюдок, превративший их жизнь в настоящий Ад. Вот только понимание, что раненый он принесёт не пользы, а только вред солдатам

сопротивления, не позволяло сделать это. Да, короля ранили в одной из стычек с нейтралами. Дорога в Арказар и в мирное время не казалась лёгкой прогулкой, а в разгар войны стала самой настоящей дорогой смерти. Они потеряли почти всех, кто ещё оставался с ними после побега из Асфентуса. Мужчины и женщины. Ослабленные голодом, истощённые противостоянием с нейтралами, они брели по казавшимся, на первый взгляд, пустынными дорогам, тяжело подволакивая ноги. Брели обречённо, но не смея бросить своего короля. Кто-то из верности. Кто-то из страха за свою жизнь. Кто-то из осознания – нейтралы не оставят живыми никого. Каждое ранение в условиях тотального голода означало медленную смерть. Сейчас они были едва лишь сильнее горстки смертных. Их организмы практически утратили способность к регенерации. И мужчины были вынуждены думать не только о защите своих женщин и детей, но и о пропитании.

– Есть известия от Изгоя? – Габриэль спросил тихо, стараясь не смотреть на Диану, побледневшую, превратившуюся в жалкую тень самой себя. Вглядываясь в даль, она стояла возле импровизированной палатки, которую они разбили на этом привале и в которой спали дети. Сложив руки на груди и не отрываясь от линии леса, оставленной за спинами. Со впалыми щеками и тёмными кругами под глазами. В первую очередь, женщины кормили детей и настояли, чтобы питались мужчины. Их защитники.

Воронов отпустил дочь и подошёл к зятю, стиснув зубы от боли, пульсировавшей в боку при каждом шаге.

– Никаких. Молчание по всем фронтам.

Габриэль закрыл глаза, прислоняясь к дереву. Король намеренно не говорил ничего про Зорича, которому было поручено какое-то важное задание. Нечто, что тщательно скрывалось от всех членов семьи, и все понимали – это делалось только ради их же безопасности. Но сейчас…сейчас Габриэля злила эта неизвестность. Это бездействие. Побег. Он был вынужден бежать, оставив в опасности детей, только потому что умудрился получить ранение, и до конца ещё не окреп.

Резко распахнул глаза, почувствовав сильную ладонь короля на своём плече.

– Не думай об этом! Ты думаешь, тебе было бы легче, находись ты там? Разве не думал бы ты о дочери и о жене? Сколько раз нас едва не убили в дороге? Охотники и ликаны, вампиры-предатели. Сколько раз лично ты спас свою дочь от верной смерти?

– Мы бежим! Бежим, Влад! Вместо того, чтобы дать бой, мы бросили в самом пекле наших близких.

– Тех, кто способен постоять как за себя, так и за нас. Что сделали бы нейтралы с Кристиной или с Зариной? А с Фэй? С Анной? С Дианой? – Влад стиснул зубы, впиваясь в плечо парня всё сильнее пальцами, – Да, я тоже недоволен этим выбором. Но у нас не было другого.

– Как мне смотреть в глаза тем, кто остался по ту сторону, Влааад? Ты сможешь смотреть в глаза Изгою? А Рино?

– Я смогу! Когда спрячу Викки и его маленького сына в безопасном месте!

Изгой наравне с тобой спасал твою женщину. Так верни ему долг – спаси его жену. Ты был ранен, Габ! На поле боя он думал бы о том, как страховать тебя, а не о врагах.

– А я не смогу! Не смогу сам…в зеркале в глаза свои смотреть и труса видеть.

Влад встряхнул его за плечо и тут же поморщился, когда от движения снова заныла рана.

– Оглянись, Габриэль! Сколько мужчин осталось с нами? Я, ты, ещё парочка? Нас даже не хватит, чтобы прикрыть спинами женщин и детей. Им даже не спрятаться за нами. Думай об этом, парень. Рино, Изгой, Велес…ни один из них не простит, если мы не справимся с нашей задачей. Ни один не простит.

***

Сэма трясло. Его колотило так, что стучали зубы, и этот звук здесь, в продуваемом всеми ветрами поле, в котором стоял небольшой отряд карателей,

отдавался зловещим набатом.

Он и забыл, когда спал таким спокойным и безмятежным сном, удивительно непривычным в условиях войны. Пока его голову не пронзила картина, настолько страшная, что парня подбросило с лежанки, на которой он вырубился. Он шарил раскрытой ладонью по земле рядом с собой, пытаясь найти оружие. Резким движением выхватил нож и кинул его, едва прицелившись куда-то в пустоту. Только после этого пришёл в себя, ошарашенно оглядываясь по сторонам.

Сосредоточившись, пытаясь настроить на расстоянии связь с королём и проклиная себя за то, что ни разу за всё это время не пытался сделать это. Боялся после обращения невольно сдать его местонахождение Курду. А теперь…теперь этот страх оказался настолько незначительным.

«Влад…Влад…отзовись. Влааааааад, прошу тебя, – пытаясь заглушить стон, ощущая, как начинает щипать глаза от сдерживаемых слёз, – Влад, отзовись. Прошу тебя…».

Молчание. Снова молчание. Далеко. Неужели король настолько далеко?

«Ками…Ками, девочка моя. Отзовись.

«Криииис…Кристина, прошу. Тииина…Габ…»

Тишина. Тишина. Мёртвая тишина.

Фэй. Она тоже чанкр. Она должна услышать. Дьявоооооол…Где же вы все? Почему сигнал не доходит.

Сэм вскочил на ноги.

«Тина, родная моя. Тиииинааа…»

Он звал каждого из них. Он звал по имени. Ласково и беспокойно. Он угрожал им, стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, подобно ребёнку.

Тишина. Один. В окружении десятков нейтралов и всё равно до дикого ужаса один. У него оставался один выход. Он остановился, сосредотачиваясь, ища в себе нужный поток энергии…в огромном океане, бурлившем в парне. Небольшой, но обжигающе горячий поток. Пока не нашёл. Сжал ладони в кулаки, закрывая глаза и настраиваясь. Он не скажет ни слова. Нет времени. Он просто покажет. Он просто поставит его перед выбором. Единственное, что он мог сделать сейчас. Снова обратиться за помощью к своему обезумевшему отцу.

Глава 4. НИМЕНИ. НИКОЛАС. ВЛАД.

Ей было очень страшно. Странно, она думала, что давно перестала бояться смерти. Бояться вообще. Она думала, что её хозяин своей когтистой жестокой лапой попросту лишил её этой способности. После столетий в его рабстве, когда каждый следующий день был до ужаса похож на предыдущий. Нет, не совсем так. Своим ужасом был похож на предыдущий. Так правильнее.

Она думала, что перестала бояться чего бы то ни было в тот час, когда вдруг осознала неожиданно для себя, что даже не борется, как раньше, позволяя чудовищам, звавшимися демонами, насиловать своё тело. Да, только тело. Душу её растоптали огромными сапогами в тот момент, когда продали в рабство.

А ведь она молилась…она так неистово молилась своему богу, чтобы он подарил ей хотя бы ещё один день этой самой жизни. Ещё несколько часов рядом с тем, кого так беззаветно любила…если бы она знала, что жестокие небеса взамен на её просьбу погрузят несчастную в самый настоящий Ад…если бы знала, что, открыв глаза, вместо ярко-синего взгляда наткнется на страшный чёрный, пустой, абсолютно пустой взгляд, в центре которого клубилась тьма, зло в своём истинном обличье.

Нимени вздрогнула, услышав свист плети откуда-то сбоку, и инстинктивно сжалась, закрывая глаза и ожидая удара. Но нет, удар пришёлся не по её спине, раздался протяжный мужской стон, а Нимени с удивлением для себя вдруг обнаружила, что её не били целую вечность. Ведь, и правда, последний раз на неё подняли руку, когда согнали их всех в этот подвал. Как раз перед тем, как появились суровые мужчины в чёрных одеяниях. Они брали у них всех кровь и

задавали странные вопросы., на большинство из которых Нимени не знала ответа.

По сути, женщина знала только, что своё имя и примерный возраст. Примерный, потому что легко могла ошибиться на сотню-другую лет. В её аду все дни давно уже слились воедино. Да и разве имело хоть какое значение, какой год там, снаружи?

В царстве Алзога, демона жестокости, каждый час мог оказаться последним. И ирония судьбы – с тем же рвением, с которым Нимени молила некогда бога о жизни, теперь обращалась она к нему за смертью.

Сейчас хозяина не было рядом, и никто из его рабов понятия не имел, откуда пришли все эти мужчины и чего они хотели. Но каждый из них излучал такую силу, что несчастные интуитивно сбивались в кучу, ощущая эту мощь.

Со стороны входа в подвал раздался шум, и наступила тишина, а затем Нимени повернула голову, услышав шум приближающихся ботинок. Снова за ней. Снова будут брать кровь. Тот мужчина с тёмно-карими, почти чёрными глазами будет возвышаться над спиной другого, в белом халате. Смотрит на Нимени так, будто знает о ней что-то такое, чего не знает она.

Нимени безразлично протянула тощую руку, которую целитель, тяжело вздохнув, стал ощупывать в поисках вены. Пусть делают что хотят. Пусть берут кровь, пусть задают вопросы. Нимени было всё равно. Единственное, что имело значение – уже несколько дней никто не бил ее и не заставлял убирать нечистоты. Кем бы ни был её новый хозяин. Нимени краем уха слышала странное мужское имя. Морт. Мёртвый. Что ж, зачем ей бояться того, кто мёртв? Особенно если она сама себя таковой сотни лет уже считает.

***

– Вот ещё, – Лизард кладёт на стол бумаги, – здесь всё по ликанам.

– Что с Галицким?

Помощник молча кивает и переводит взгляд на карту, лежащую перед нами.

– Отбиваются. Организовали яростное сопротивление.

Вздёрнул бровь, глядя, как он указательным пальцем обводит место на карте.

– Много детей и женщин, – молчит в ожидании ответа. Да, мы всё же не объявляли режим зачистки по клыкастым, именно поэтому мирных жителей нейтралы не трогают. Пока. Ждут приказа.

– По территориям что?

– Ублюдок договорился с Гиенами, пообещав им четверть новообретённых владений, тем деваться некуда. Стоят насмерть.

Пока некуда. Стоит утихнуть натиску нейтралов, стоит воцариться пусть и шаткому перемирию в мире бессмертных, как ликаны вспомнят о своих специфических способностях в полнолуние, а вампиры – о своем превосходстве над оборотнями в остальные дни.

– Что уже отбили у них?

– Часть местности к северу, по направлению к горам, которые выделил им Курд. С соседями у них не совсем приятельские отношения, конечно.

– Хорошо. Оставить отряд из десяти карателей по периметру их территорий. Оставить для контроля над ситуацией и недопущения новых вспышек сражений. Остальные силы оттянуть к горам. Оцепить Асфентус, не впуская в него никого без моего личного разрешения. Отслеживать дорогу на Арказар. Вольфганг?

– Бежал, прихватив семью. Готовится дать бой на границе у Асфентуса как раз.

– Уничтожить. Всех до единого. Мне сюда, – постучал пальцем по столу, – его голову и головы ближайших соратников. Курд?

– Местонахождение лагеря пока неизвестно. Но я лично работаю в этом направлении.

– Отток?

Так мы называли нейтралов, не выступивших изначально против нас, но трусливо бежавших впоследствии к бывшему Главе.

Лизард кровожадно усмехнулся.

– Максимум, один процент, из которых полпроцента уничтожены.

А так мы высчитывали наши потери. Притом не имело значения, успели ли предатели добраться до укрытия или нет. Все, кто оказывался по ту сторону баррикады, становились не более чем сухими данными статистики, которая была явно на нашей стороне сейчас.

– Смертные?

– Зачистки оставили после себя руины в районах, считавшихся элитными. Официальная версия, освещаемая в СМИ – мятежи представителей рабочего класса и неблагополучных слоёв населения.

– Продолжить работу с последствиями произошедшего, но отслеживать, чтобы это не перетекло в нечто, более масштабное, между людьми. Нам ещё там не хватало войны.

***

«– Нет, ты посмотри на неё. Разлеглась на твоей кровати!

Возмущению твари нет предела. Она всплеснула руками, подбегая к Марианне, лежащей на моей постели, и недовольно склоняясь над ней.

– Так оглянуться не успеешь, как эта сучка заберется тебе на шею.

– Угомонись.

Стараюсь не смотреть на Марианну. На то, как мерно вздымается её грудь под тонким одеялом. На то, как падают темные локоны на бледное лицо. На то, как хмурится во сне…потому что мне тут же хочется пальцами по бровям её провести, разгладить складку между ними, растворяясь в нежности её кожи.

– Угомонись? Сначала ты впустишь её на свою кровать, а потом не заметишь, как она снова заберётся тебе на шею и свесит свои ножки, которыми будет погонять тебя в нужном направлении. Женщины все такие, Ник.

– Исчезни.

Она обиженно надувает потрескавшиеся желтоватые губы.

– С момента её появления в нашем доме ты недопустимо груб, милый.»

Пожимаю плечами, посылая её мысленно к чёрту. И понимая, что костлявая сука права. Отчаянно права во всём, что касается этой женщины.

Я опустился на колени рядом с кроватью.

Красивая. Даже сейчас, истощённая родами и голодом.

«-О, эти кроваво-красные борозды на её груди и животе однозначно появились после родов.

Тварь осторожно приподнимает ткань, тыча пальцем на следы от ран на теле Марианны.

– Замолчи.

– Не могу, – разводит руками, – я вообще-то за новой порцией боли пришла.

– Она спит, – чёрные ресницы еле заметно подрагивают, зрачки под тонкими, почти прозрачными веками обеспокоенно мечутся. Что снится тебе, Марианна?

– Ставлю своё новое платье, – тварь окинула гордым взглядом черную рвань, в которую сегодня облачилась, – что ей снится, как ты истязаешь её.

– Заткнись!

– А что я? Вот смотри, смотриииии, – тварь радостно хлопает ладонями, заставляя зарычать, – вздрогнула. Это, наверное, когда ты на неё набросился и едва не разодрал голыми руками!

– Я сказал, исчезни!

– Не могу, я голодная. Накорми меня, Ник.

Она оборачивается ко мне, раскрывая зловонную пасть, длинный змеиный язык с шипением облизывает тонкие губы.

– Ты не мучил эту шлюху несколько дней. Я хочу её криков, Ник.

Тварь откидывает одеяло в сторону и склоняется над головой Марианны, шумно втягивая в себя её дыхание.

– Я хочу боль. Много боли. Ты не можешь обманывать меня смертями нейтралов. У них почти нет эмоций. Только страх. Это невкусно, Ник.

– Уйди, – процедить сквозь зубы, сжимая ладони в кулаки, испытывая желание оторвать её лысый череп к чертям собачьим.

– Она прекрасна, ты прав, – её голос всё больше похож на шипение змеи, язык извивается над лицом Марианны, вытанцовывая в воздухе, – она прекрасна, даже когда орёт от дикого ужаса.

Тварь закатывает глаза, вспоминая, а всё сильнее впиваюсь когтями в кожу рук, желая вонзиться в её улыбающееся отвратительное лицо, вырвать эту улыбку желтыми кривыми клыками. А ещё не видеть перед своими глазами

воспоминания другого лица. Марианны. С огромными сиреневыми глазами, наполненными самым настоящим страхом. И не позволять себе думать о том, как на дне зрачков её плескалась боль. Тягучая, вязкая боль В зрачках, в которых я видел не своё лицо, склонившееся над ней, а чужое, ожесточённое, злое, полное ненависти. Лицо Зверя, разъярённо рычащего, искажённое гневом и наслаждением от каждого вздоха её боли, которую сам Зверь жадно поглощал.

– Мне нравится, что она настолько слаба, что не в состоянии регенерировать.

Тварь раскачивается над спящей женщиной.

А я не могу оторвать взгляда от раздвоенного языка. Если прикоснётся к ней – убью на хрен. И будь что будет. Понятия не имею, как. Но убью. Моя она. Только мне и наказывать.

– Обидно, – тварь зло посмотрела на меня, – как слушать о твоих страданиях, так запросто, а как поделиться такой вкусной добычей, так жалко?

– Я сказал, она моя! Дотронешься – голову разобью об эти грёбаные стены, но уничтожу тебя, слышишь?

Тварь громко расхохоталась. Настолько громко, что показалось, этот гнусный хохот Марианну разбудит.

– Успокойся, Мокану. У меня и в мыслях не было убивать твою шлюху. Зачем мне утруждать себя, если всё это замечательно делаешь ты сам? А теперь покорми меня, Ник. Покорми меня сам, и если ты хорошо постараешься, то, может быть, оставлю тебя сегодня наедине с ней.

Невиданная щедрость со стороны этой высокомерной дряни, приходившей в неистовство каждый раз, когда я оказывался в своей комнате рядом с Марианной. Она говорила, брызгая своей ядовитой слюной, что не хочет позволить мне снова поддаться «чарам этой дешёвой девки», и продолжала втыкать ножи-напоминания в развороченные раны, прокручивая их там и резко выдёргивая пилообразные лезвия. Идиотка. Если бы понимала, что Марианна со всем этим прекрасно справлялась одна.

Парадокс, пока она спала, свернувшись калачиком, я мог сидеть возле неё часами, зажмурившись и слушая тихое дыхание. Иногда в такие моменты в голове вспыхивали эпизоды прошлого, в которых мы с ней вместе скачем наперегонки на лошадях или едем на машине на дикой скорости. Короткое мгновение, в которое я успеваю почувствовать её мягкую ладонь на своей ноге в то время, как моя нагло шарит под её платьем. Самое сложное после этих воспоминаний не думать о том, каким в них был её взгляд, как выворачивал он наружу своей абсолютной любовью вперемешку с дикой страстью. Возможно, я всё ещё до хрена чего не помнил, возможно, ритуал Курда вернул мне не все воспоминания, но я понимал одно – так на меня ещё никто и никогда не смотрел. Понимал, и тогда ножи вонзались в мою плоть с ещё большей силой и злостью. Из-за осознания, что всё это – не более чем игра с её стороны.

Это длилось несколько часов и поглощалось чёрной, тягучей и вязкой ненавистью каждый раз, когда она открывала глаза. Стоило только увидеть её сиреневый взгляд, и мне сносило крышу. Потому что в нём я видел одно слово, агрессивно сверкавшее подобно неоновой рекламе. Ложь. Чёрными вспышками с ядовито-красными прожилками ярости, они впиваются в тело, алчно жаждая причинить боль. И первое время наслаждаясь тем, как искажает эта боль её черты. Первое время. Затем её поведение поменяется. Марианна не перестанет бояться. Но с каждым днём страх в её глазах будет становиться всё прозрачнее на фоне странной, почти безумной решимости. И я понятия не имел, какой и почему. Знал только, что она раздражает, что вызывает желание затушить её самыми изощрёнными способами. Тварь во мне начинала в такие моменты с воплями носиться по нашей с ней маленькой пещере, истошно требуя убить Марианну. Словно чувствуя в ней соперницу.

***

Лизард стоял в подвале, сложив руки на груди и бесстрастно глядя на раскачивавшегося на стуле носферату, громко оравшего какую-то песню. Слова было невозможно разобрать, так как ублюдку выбили половину зубов, но некоторые матерные всё же слух различал.

Нейтрал повернулся ко мне, вздёрнув бровь.

– Ничего не знает. Удалось вскрыть только воспоминания.

Отпустил его и встал напротив связанного Рино, замершего и замолчавшего. Я подождал, пока ножки стула опустятся на пол.

– О, любимый дядя. Здравствуй! Проходи, присаживайся.

– Не паясничай, Смерть.

– Я бы предложил тебе виски, – он смачно выплюнул сгусток крови, – но у меня связаны руки.

– Будешь и дальше похабщину свою орать, ещё и кляп в рот вставим.

– Я не виноват, что у вас нет радио.

Ублюдок. Кривит рот, а у самого в глазах чёрными клубами дым ненависти.

– Говори, Смерть. Ты ведь многое сказать хочешь. По взгляду вижу. В другой раз такой возможности не представится.

Усмехнулся зло.

– А он будет? Этот другой раз? Я думал, ты уже по мою душу пришёл, Морт.

Отзеркалил его усмешку.

– Рано ты на тот свет засобирался.

– Ну не тебе решать, так ведь?

– Пока ты здесь, решаю всё я, так ведь?

Пожимает плечами, и взгляд сделался демонстративно скучающим.

– Ты ведь знаешь, что я не боюсь ничего. И я ничего не знаю. К чему эти игры, Морт? Или убей меня…или убей. Потому что я тебе произошедшего не прощу, сукин ты сын.

– Я убью, – кивая ему головой и думая о том, что его действительно будет жаль уничтожать, – когда придёт время. Но я думал, ты хочешь для начала встретиться с Викторией? Нет?

Он зарычал и резко подался вперёд, едва не упав лицом вниз. Смотрит исподлобья, оскалившись и демонстрируя клыки.

– Где она?

– Скажи мне ты, Смерть. Где твоя жена и сын? Скажи мне, и я оставлю их в живых.

В его глазах вспыхнуло облегчение.

– Пошёл ты!

– Я, в отличие от тебя, носферату, всё же пойду. Но только тебе решать, куда я направляюсь прямо сейчас отсюда. Точнее, за чем.

– Избавь меня от твоих планов, долбаный вершитель.

– Глава, – поправил его, и разноцветные глаза вспыхнули удивлением, а затем Рино понимающе усмехнулся.

– Кто бы сомневался. Ради этого весь этот ужас, Ник? Ради места Главы ты предал свою семью? Ради гребаного кресла ты едва не убил сына и жену?

– Ты задаёшь неправильные вопросы, полукровка. Не «ради», а «почему». И эти «почему» лежат гораздо глубже, чем ты бы хотел знать, поверь. Но это уже тебя не касается.

Я достал кинжал и подошёл к нему, глядя, как вспыхнули злостью и странной одержимостью его глаза.

– Никогда не думал, что сдохну от твоей руки.

Сказал таким тоном, будто в дерьмо лицом окунул.

– Ты был прав, носферату, – разрезал верёвки, освобождая его и слушая, как он затаил дыхание, в то время, как сердце забарабанило пулемётной очередью.

– Зачем?

Выдохнул хрипло, неверяще, подозрительно.

– Отведи меня к ним, Рино.

Оскалился и отрицательно головой качает, вставая со стула.

– Ни за что, – стиснул челюсти, прищурившись. А я всё же не сдержался, зарычал и в глотку его пальцами впился:

– Отведи, ублюдок. Иначе их всех там вырежут словно скот!

– Кто?

Вцепился ладонью в моё запястье, а в глазах ярость бушует беспощадная.

– Курд.

– Я тебе не верю, Мокану. Зачем тебе спасать их?

– А я не просил твоего доверия, Смерть. Но только от твоего решения зависит, выживут они или нет.

Рино разжал ладонь, и я в ответ так же разжал свои пальцы и отступил назад, позволив ему откашляться, склонившись и опустив голову.

– Велес?

Спросил, не поднимая головы, не глядя. Не вопрос – условие сотрудничества.

– Уже приводят в чувство. Пару дней и сможет ходить.

– Ублюдки…грёбаные ублюдки…

– Не мы такие, Смерть. Жизнь такая.

***

Носферату должен был умереть. Умереть хотя бы потому, что такие, как он, не умеют прощать. А, видит Дьявол, этому ублюдку было за что возненавидеть меня. Ну а мне было плевать на его мотивы.

«– Ага, – тварь появилась из ниоткуда и зашагала рядом со мной по коридору замка, – так же, как и с сыном твоей шлюшки, да?

– Заткнись, милая, или я найду чем заткнуть твой отвратительный ротик.

– Ох, Николас, боюсь тебя огорчить, но твои стандартные приёмы вряд ли на меня подействуют, – она встала передо мной и, вскинув руку мне на плечо, провела костлявыми пальцами по нему, – да и кому как не тебе знать, насколько опасно класть посторонние предметы в мой рот?

Она громко клацнула зубами.

– Ты всего лишь плод моего сознания, дорогая. Ты не можешь навредить мне физически.

Она закатила глаза, теперь тварь шла передо мной спиной вперёд.

– С другой стороны, зачем тебе твоё достоинство, Морт? Ведь оно тоже мёртвое, так?

Я остановился.

– Заткнись, последний раз повторяю.

– Не то, что? Брооооось, Николас. Ты меня ни убить, ни покалечить, ни даже оттрахать не можешь. Впрочем, теперь последний пункт касается всех женщин, так ведь?

Первым порывом было размахнуться и снести её черепушку с тонкой шеи, но она выжидающе улыбалась, отлично читая мои эмоции.

– Упс, Мокану…кажется, я не ту тему затронула, да? Ну-ну не огорчайся. Может быть, попробовать переключиться на мужчин? Кто знает, может, маленький Морт устал от женского общества?

– Я могу лишить тебя боли, моя омерзительная девочка. Я, скорее, сдохну, чем позволю тебе получить свою дозу.

– Ты не посмеешь, любовь моя.

– А ты рискни. Ведь ты не сомневаешься в том, что я смогу противостоять твоей зависимости.

– Хорошшшшшшо, – тварь склонила голову набок, её пустые глазницы засверкали кровавым светом, – ответишь мне только на один вопрос, Морт?

– Один вопрос взамен на то, чтобы не слышать твой скрипучий голос?

– Не дерзи, Ник. Последствия тебе могут не понравиться.

– Спрашивай.

– Поэтому ты помчался спасать отпрыска своей жены? Не потому что он твой брат по крови, а потому что больше не способен произвести на свет своё потомство и согласен довольствоваться тем, что есть?

Сууукаааа…Размахнулся и ударил, но кулак пришёлся в воздух. Тварь успела раствориться раньше с громким противным смехом.

Сука, в словах которой была доля правды. Я так и не смог позволить умереть сыну Марианны. Когда вернулся в тот день в подвал и увидел, что его там нет, ощутил, как градом покатился по спине холодный пот ужаса и неверия.

Но я не давал разрешения ни на его смерть, ни на свободу. Его мог забрать только один нейтрал. И я знал, ради чего. Курд не был настолько глуп, чтобы упустить шанс заполучить в союзники чанкра. Тем более того, у которого были личные счёты со мной. К тому же, Глава, наверняка, почувствовал, насколько изменилось настроение среди подчинённых.

К сожалению, вмешательство одного из его приспешников с предупреждением о покушении, готовящемся на Курда, помешало мне устранить этого ублюдка раз и навсегда. Предателя мы всё же поймали и казнили, а вот недоносок Думитру слинял. Исчез бесследно, но прихватив с собой новоиспечённого нейтрала.

Шторм. Так он его назвал. Послание мне, вырезанное на плечах того, кого я растил как собственного сына. Послание, в котором каждая буква из пяти словно издёвка, брошенная в лицо.

Я нашёл тело Сэма в Богом забытой пещере. Я ни хрена понятия не имел, зачем вообще искал его…а точнее, почему…почему бл**ь, не смог убить, понимая, что Курд не просто ещё одного нейтрала создал, а моего убийцу, если, конечно, решит уступить ему своё основное блюдо. Почему, вместо того, чтобы добить его, пока он медленно подыхал в той пещере, опустошённый и войной, и ритуалом, я поил его собственной энергией…Да, тварь оказалась права, называя меня безвольным слабаком. Но я видел в этом обессиленном, обездвиженном мальчике…своего ребенка.

«Я могу вырвать твои глаза, если позволишь, чтобы тебе не привиделись больше разные глупости…»

Шёпот твари отдавался в ушах гулким эхом, пока я насыщал его тело своей энергией.

Это был уже второй раз, когда я шёл вопреки её желаниям. Первой стала Марианна. Да, моя страшная девочка была абсолютно права: всё же я был жалким наркоманом, предпочитавшим продлевать свою зависимость, чем раз и навсегда избавиться от неё.

***

«Отец!»

Громким криком, ударившим по нервным окончаниям, и я остановился посреди комнаты как вкопанный. Сдержал рычание, чтобы не послать к чёрту, ведь я запретил ему так себя называть. Но промолчал, позволяя ему продолжить…и чувствуя, как меня затянуло в эпицентр мощного торнадо. Словно тряпичную куклу, завертело со страшной силой, безжалостно раскидав в разные стороны конечности.

Одно слово. И молчание. Потому что дальше слова были лишними. Только картинки. Только страх. Только отчаянное, почти болезненное нежелание верить в то, что я видел.

И тихое, и безнадёжное, словно заглушённое непролитыми слезами:

«Они не слышат меня…Они не слышат меня…Они не слышат меня…».

***

Влад Воронов никогда не думал, что это произойдёт вот так. Нет, он всегда представлял свою смерть в бою. В сражении. В противостоянии с достойным соперником. И он давно не молился Богу, но всегда мысленно просил того только об одном: пусть его уход произойдёт не на глазах его близких. Пусть последние воспоминания о нём будут, как о живом, о сильном, о настоящем мужчине и истинном короле.

Чувство беды появилось из ниоткуда. Чувство опасности, вгрызшееся в самое сердце со всей дури…оно вдруг взорвалось в голове яростным криком брата, от которого он отрекся. Влад не мог не узнать его голос. Вскочил на ноги, схватив меч, и выбежал из палатки, в которой они провели день, чтобы спасти жалкую горстку оставшихся в живых его подданных.

Король оглядывался по сторонам, крикнув Габриэлю и Артуру. Но, оказалось, что Мокану рядом не было.

«Где ты?»

Два слова, ответ на которые казался безумием.

«Курд идёт за вами. Беги, Воронов. Беги, твою мать, так далеко, как только можешь!»

Влад зажмурился, пытаясь сбросить это наваждение. Впервые брат разговаривал с ним таким образом. И впервые король засомневался в своём решении не отвечать. Словно что-то толкало его отозваться…но тут же перед глазами появились сотни трупов, десятки семей, искалеченных и убитых руками того, кто взывал сейчас к нему.

И Воронов мысленно отправил вершителя к чёрту…чтобы через секунду поднять на ноги свой маленький отряд.

***

– Чёрта с два я побегу с остальными, – Кристина скрестила руки на груди, всем своим видом демонстрируя решимость.

– Ты с ума сошла? – Влад нетерпеливо оглянулся на Габриэля в надежде, что хотя бы тот воздействует на жену, но на лице зятя было абсолютно такое же упрямство.

– Вы оба с ума сошли? Габ, бери свою жену, я тебе и только тебе доверяю свою семью. Переведи их за границу в Мендемай и возвращайся за мной.

– Ни за что, – голос Кристины сорвался на крик, – я не оставлю тебя одного против нейтралов.

– Со мной останутся Артур, Макар и Виктор. А вы обеспечите защиту остальным. Что может быть важнее этого?

– Макар и Виктор могут проводить отряд в Мендемай, а мы останемся сражаться.

Спокойный безапелляционный тон Вольского сопровождался громким стоном разочарования Влада и благодарным взглядом жены.

***

Влад резко пригнулся, уходя от удара меча Курда, с равнодушным лицом рассекавшего воздух хрусталём. Короля не покидало ощущение, что Глава играется с ним, словно кот с мышью, позволяя сохранить иллюзию, что мышке удастся сбежать. О чём думал король в этот момент? О том, какими шёлковыми были волосы сына, когда он коснулся их губами на прощание. О том, почему поцелуй Анны, его женщины, его лучшей части, казался таким голодным, словно ни он, ни она не могли насытиться этими мгновениями единения. О том, почему не взял сегодня её…почему не отвёл в сторону от лагеря, где в последний раз насладился бы её телом.

Последний…последний…последний…

Король отпрыгивал в сторону, спасаясь от смерти, и атаковал сам, умело размахивая мечом, прислушиваясь к звукам сражения вокруг себя. Слева от него Габ ожесточённо бился с другим нейтралом. А справа Кристина спиной к спине с Артуром защищалась от других.

Громкий стон слева, и Воронов повернулся к зятю, выругавшись, когда увидел, как меч точным движением вошёл под ребро парня.

– Гаааааб, – истошный крик в унисон с дочерью…а потом ещё один крик боли, и Влад резко развернулся в её сторону, чтобы застыть, чувствуя, как заледенело сердце, как разбилось оно на осколки с громким лязгом…застыть ошарашенно, глядя, как с издевательской улыбкой вытаскивает Артур меч из спины Кристины.

– Тина…Тинаааа…дочкаааа…

***

С округлившимися от ужаса глазами и вытянутой в её сторону рукой с раскрытой ладонью он полз в сторону дочери. Он что-то беззвучно кричал, заливая чёрной кровью белый снег. Ему не хватало сил, он дёргался от злости, потому что понимал – не доползёт, не достанет. Осталось так мало, а он не достанет. Такая красивая…такая ненастоящая на белом полотне, испачканном черными пятнами уже её крови. Влад всё прокручивал и прокручивал в голове этот момент…самый страшный момент за свою долгую жизнь. Он смотрел и смотрел на довольное лицо своего верного помощника и хрупкое тело дочери, обессиленно упавшее коленями на землю, которое мерзавец брезгливо оттолкнул ногой.

Король даже не думал о том, кто спустил его с проклятых хрустальных штырей, прибитых к стволу дерева, на которых Курд с предателем подвесили его, оставив смотреть, как истлевают шансы вернуть к жизни Кристину. Его это и не волновало. Влад не знал, сколько он провалялся в полусознательном состоянии, и сейчас упрямо, миллиметр за миллиметром двигался в сторону Кристины, сцепив зубы и моля небеса только о том, чтобы не прошли ещё вожделенные двадцать четыре часа.

Каждое движение причиняло адскую боль. Курд знал, куда вонзать хрустальный меч. В лёгкие, в печень, в самое сердце…Один раз…второй…и третий…Вонзать и смеяться, глубоко вдыхая в себя боль бывшего короля. Но в тот момент Влад кричал не от боли, нет. Не от физической, точно. А от той, что вошла в грудь его дочери и вошла в его сердце диким отчаянием. Он извивался змеёй на чёртовом дереве, посылая проклятья и…умоляя, да, умоляя врага позволить ему дать дочери свою кровь, спасти её, а после пусть Глава делает с его телом что угодно.

Напоследок подонок приложил ладонь к груди обессиленно замершего короля и произнёс:

«Я хочу, чтобы ты умирал медленно, Воронов. Хочу, чтобы ты смотрел на труп дочери и подыхающего зятя и думал обо мне. Чтобы твои последние мысли были обо мне».

И ублюдок оказался прав. Последние мысли короля были о нём. В них он выплёскивал всю свою ненависть на эту мразь…на эту мразь и собственное бессилие. Сейчас, когда таким важным казалось добраться до тела Тины, он ненавидел себя за немощность.

Король остановился, увидев, как рядом с ней словно из ниоткуда появилась пара чёрных сапог, голенища которых были закрыты тёмным плащом. Влад закричал. Нет, только не это! Попробовать. Он не хотел большего. Он до дрожи в перебитых коленях боялся потерять драгоценные минуты, которые могли спасти её.

Король не видел ничего. Кровавые слезы застилали его глаза, а когда ему удалось сморгнуть их и вскинуть вверх голову, он увидел, как бережно, словно ценный груз опускает тело Кристины перед ним…его брат.

Молча. Глядя в глаза Влада, укладывает её на землю и поворачивает побледневшее, но всё ещё такое красивое лицо племянницы к отцу. Медленно дрожащими пальцами проводит по распущенным волосам, золотом лежащим на белом снегу. Словно прощаясь с ней. Безмолвно ставя самый страшный диагноз. Приговор, который вынес сам себе Воронов, увидев безысходность, затаившуюся в бесцветных глазах брата. Безысходность и самую настоящую боль, сострадание на его лице. Словно он тоже переживал эту потерю.

– Нееееет, – Король уронил голову на грудь дочери и зарыдал, – нет, девочка моя… нет, Тинааа…Нет…нет…

Спазмы боли по всему телу, от них немеют истерзанные мышцы, а ком в горле не позволяет сказать больше. Так много он не успел сказать ей.

Мокану молчит, позволяя ему проститься со своим ребёнком, и, видит Бог, если бы тот сказал хоть слово, Влад вцепился бы в его глотку клыками.

Единственное, что позволил себе Ник – сжимать пальцами вздрагивающее плечо Влада…пока король вдруг не понял, успокаиваясь, что чувствует, как вливается в его тело тепло в месте, где лежала ладонь нейтрала.

– Почему?

Влад думал, что потерял голос в своем крике, но всё же сумел выдавить из себя этот вопрос. Ник в ответ лишь покачал головой, и его лицо исказила ещё одна судорога боли.

– Я не мог по-другому.

Он отвечал на другой вопрос. На тот, который задавал каждый из них все эти месяцы войны. Он впервые на памяти Влада…оправдывался? Словно понимая, что это будет последнее, что услышит его кровный брат.

Он отвечал на другой вопрос так, словно этот, заданный только что, не имел значения. Словно ответ на этот и не требовался.

– И я не мог, – скорее губами, чем голосом, но Мокану кивнул, давая знать, что понял. Что не мог король поступить по-другому…и не сказал то, что срывалось с его губ, то, о чём король думал, отрешённо глядя на спокойное лицо Кристины. Что всё же мог…мог поверить. Ник не сказал, зная, что, когда уберет свою руку, когда поможет Владу добраться до укрытия, а, может, и раньше – когда скажет то, что увидел в заснеженном лесу почти у границы с Мендемаем…король сам возненавидит себя за это.

Влад перевёл взгляд на свою дочь…сколько он любовался ею, он не знал, он упустил момент, когда Мокану исчез за его спиной, а потом тихо констатировал: «Он жив…но лучше бы умер».

Габ. Хоть что-то хорошее. Наверное. Когда парень очнётся, он ощутит на своей коже слова Мокану.

– Я не смог спасти.

Сколько вины в этом голосе. Влад усмехнулся бы, если бы только это движение не разрывало его изнутри, словно сотни острых кинжалов.

– Я думал, всё это время ты хотел убить меня.

– Я никогда не смог бы убить тебя.

Сказал так просто, и в этот же момент Влада выкрутило на снегу приступом адской боли.

– Теперь я знаю.

Дьявол…почему она? Почему она ушла первой? В этом была месть подонка? Худшая участь для любого родителя – смотреть на тело своего ребёнка. Влад отдал бы всё, что у него есть, за то, чтобы увидеть её улыбку сейчас. Живую улыбку. Вот только у него больше ничего не было. Совсем ничего.

– Анна…Фэй.

– Я позабочусь о них.

Влад зажмурился, испытывая одновременно облегчение и изумление.

– Почему?

Лицо брата снова возникло перед ним, и Влад сглотнул, глядя, как вспыхнули и целую вечность…оставшуюся ему вечность горели небесно-синим цветом радужки глаз Мокану.

– Кровь не вода, Воронов. Даже такая проклятая, как наша с тобой.

Мокану смотрел отрешённо, как прощается король со своей дочерью. Как продолжает рыдать над её телом, телом, которое Ник смог сохранить в этом прежнем состоянии, не позволив ему рассыпаться в прах. Но это было самое большее, что он смог сделать. Вернуть к жизни племянницу, до безобразия похожую на него характером, Мокану так и не удалось.

Он подошёл к Владу и встал за его спиной, готовясь нанести тому последний удар. Стараясь не думать о том, почему он делает всё это, несмотря на визгливые крики твари в его голове, взбесившейся, когда он ринулся к брату на

помощь.

Правда, сейчас сука затаилась, предвкушая настоящее пиршество боли, когда Ник покажет Владу свои воспоминания о том, как им с Рино едва удалось успеть вытащить из Ада, устроенного Курдом, Викки с её сыном; о том, как он нашёл раненую Фэй, прикрывавшую собой Криштофа и Зарину, и растерзанные тела остальных женщин. В том числе и Анны.

Глава 5. МАРИАННА

Некоторое время назад.

Я не сразу осознала, что он со мной сделал. Наверное, это было слишком чудовищно, чтобы попытаться понять мотивы этого поступка. Не было ответов…впрочем, и вопросов тоже не осталось. И заняло время, прежде чем меня взорвало ужасающей вспышкой ослепительно черного цвета – я не могу сказать ни слова вслух. И это не психологическая утрата голоса, когда я хрипела и могла говорить обрывочными фразами или не разрешала себе произнести хотя бы слово. Пусть и невольно. Нееет. В этот раз он сам отобрал у меня голос. В порыве ярости и ненависти, потому что я говорила то, что он не хотел слышать, потому что взывала к его лучшей стороне, потому что мешала его зверю упиваться своей агонией и рвать меня на части. Я знала эту его черту – погружение в собственный мрак и извращенное наслаждение от собственного разложения на атомы адских страданий. Как констатация факта, что ему не положено нечто иное, не положено счастье, любовь, семья. Только грязь, ад и всеобщее презрение. Он готов принимать ненависть и предательство. Готов превращаться в живого мертвеца и в чудовище, потому что так легче пережить боль, которую сам же в себе и породил. Это вызывало отчаянную жалость. Нет, не унизительно гадскую, за которую он мог бы убить, а иную. Когда жалеешь родную кровь и плоть, когда от его боли разлагаешься сама, наплевав на собственную, и ни черта не можешь сделать…

Бессильна и слаба как младенец перед стихией обезумевшего от ревности нейтрала. С ужасом понимая, что ни одно слово не изменит траекторию надвигающегося смертоносного цунами из комьев грязи и огненных молний, с

содроганием думаешь лишь о том, чтобы выстоять…выжить до момента прозрения, если оно когда-нибудь наступит. Я называла нашу любовь проклятием множество раз и лишь сейчас осознала, насколько это действительно так. Мы прокляты этой любовью оба. Он ею проклят…а я … я – жертва его проклятия, и мне ничего не остается, кроме как разделить с ним эту участь.

Да, когда-то я думала, вспышки бывают белыми. Они и были такими, и есть, наверное, до сих пор у кого-то другого. Мои, скорее, напоминают грязно-кровавые брызги вместе с волнами оглушительной боли. Смешно…за столько лет с ним я познала все ее оттенки, грани, вкусы и каждый раз считала, что больнее уже невозможно. Больнее просто не бывает. Но мой муж доказывал мне, что у боли нет предела, нет порога и нет конца, и края. И она умеет мутировать в более жуткую тварь, чем была перед этим. Кровожадную и вечно голодную. Она проходит этапы эволюции, чтобы доводить меня до агонии иными изощренными способами. Боль и он – это синонимы. Одно только имя заставляло корчиться в приступе и хвататься скрюченными пальцами за горло…потому что хочется кричать, и от этого желания разрывает голосовые связки…а их словно нет, и от дикого напряжения по щекам катятся слезы. Я просто хочу назад… я хочу назад хотя бы на месяц, не на годы. Пусть не помнит меня, пусть даже не будет со мной нежен, но я бы не дала возродиться тому чудовищу, которое сейчас заменило моего Ника. Я бы не дала случиться тому, что случилось. Это моя вина…я должна была верить, должна была оставаться рядом с ним или вернуться к нему даже босиком по углям, но вернуться, и тогда бы всего этого не произошло. Пока я была с ним и верила в него, ни одна тварь не могла разрушить нашу любовь.

Из беспамятства меня выдернул его голос…он доносился совсем рядом. Какая же предсказуемая реакция на него. Наверное, он убьет меня, а я, услышав его голос, буду пытаться восстать из мертвых.

Лишь низкий хриплый тембр, еще не разбирая слов, горячей волной по всему телу, давая выплыть на поверхность той самой черно-красной грязи. В жалкой первичной радости, что он рядом, в надежде, что все – ночной кошмар закончился, и я проснусь в его объятиях. И, широко открыв рот, попытаться сделать глоток кислорода. Но именно лишь попытаться. Так как уже через секунду я понимаю, что не могу произнести ни звука. Не могу позвать его по имени. Не могу закричать. У меня нет голоса… я его не слышу даже про себя.

Вокруг меня безмолвие и внутри меня безмолвие. Мертвая тишина. Как в затяжном жутком сне, когда широко открываешь рот и точно знаешь, что орешь так, что стекла должны полопаться, а на самом деле не издала ни звука. И рваными кусками перед глазами – его искаженное ненавистью и злобой лицо с жуткими белыми глазами. Ничего страшнее его мертвых глаз я никогда в своей жизни не видела, особенно когда орал мне в лицо эти жуткие обвинения, которыми убивал нас обоих.

Ооо, сколько раз мы с ним умирали, не счесть. Но почему-то именно сейчас мне казалось, что мы оба в разных могилах под мерзлыми комьями земли. И никто из нас уже не пытается вытащить на поверхность другого. Потому что каждый из нас и был друг другу могильщиком, закапывая живьем.

Ник с кем-то говорил. Я приподнялась на постели, если так можно назвать его жесткий лежак с грубым суконным одеялом без подушки, силясь разглядеть собеседника моего мужа, но в полумраке кельи я видела лишь его одного. Он сидел на полу у стены, вытянув длинные ноги в сапогах и запрокинув голову назад. Его губы шевелились и, казалось, он отвечает на чьи-то вопросы. Ровно. Без интереса, но с явным раздражением. Отвечает кому-то, кого видел только он сам. Ведет непонятный диалог, где слова собеседника скрыты завесой его собственного мрака.

И вдруг громко:

– Заткнись, я сказал! Заткнись, я устал, мать твою…я хочу тишины.

Я вздрогнула и обхватила себя руками за плечи. Холодно. В его келье невыносимо холодно. Камни пропитались льдом. Его мертвенным льдом. Я даже видела, как блестит на серой поверхности изморозь. Я больше не пыталась произнести его имя. Мне не нужно было изумленно кричать или хрипеть, стараясь выдавить хотя бы звук, я поняла все сразу, особенно вспоминая ту адскую боль, после которой потеряла сознание. У меня до сих пор остался привкус пепла или гари. Словно мне выжгли все во рту… и при этом язык все же был на месте.

Я села на лежаке, глядя на своего мужа, сидящего напротив меня, и чувствуя, как от ужаса ползут по спине мурашки. Прошло так мало времени с нашего

последнего разговора, а он изменился. Сильно. Так, словно повзрослел на несколько десятилетий. В его волосах и щетине проглядывалась седина, или у меня игра воображения. Разве такие, как мы, стареют? Разве они могут выглядеть старше хотя бы на год? А он выглядел. Впалые щеки, сильно заострившийся нос, ввалившиеся глаза и огромные черные круги вокруг них. Губы нервно подрагивают, приоткрывая кончики клыков. Он будто спит, но глаза быстро вращаются под тонкими веками. Мне еще не было страшно. Но вдоль позвоночника пробегали электрические мурашки, и изо рта вырывался пар. Отсутствие регенерации сделало меня чувствительной к холоду.

Теперь я не была уверена, что прошло совсем немного времени. Могло пройти намного больше, чем я думала. И с диким ужасом схватилась за горло, все тело пронизало острой болью от мысли о Сэми, заставив вскочить с лежака и тут же замереть, боясь сделать хотя бы шаг. Потому что Ник снова заговорил…вторя моим мыслям, вторя моему паническому страху.

– Он не умрет, пока я не решу иначе…то, что это не мой сын, не его вина, а этой…этой проклятой суки. Когда я найду доказательства его преступлений против Нейтралитета, будет суд. Не тебе указывать, кого и как мне судить, дрянь.

Медленно выдохнуть тонкую струйку пара и почувствовать, как облегчение обволакивает изнутри эфемерным теплом, но я все же замерзаю. Не только от его «этой проклятой суки», а от физического холода. Я его ненавижу…после того проклятого леса он меня пугает. Я впадаю от него в панику. Снова посмотрела на Ника, и внутри все сжалось до онемения и покалывания тонкими острыми иглами прямо в сердце – да, он сильно изменился. Так обычно меняет человека боль и потери…но он не человек. И все же что-то подкосило его настолько сильно, что пошли изменения во внешности, не поддающиеся регенерации. Я должна бы его возненавидеть. Это была бы одна из самых правильных и честных эмоций по отношению к нему. Но нет…ни капли ненависти, ни зернышка, ни крупинки. Я искала ее, пока смотрела на него, находящегося в каком-то странном полусне полу-агонии. Словно он отключился и в то же время не позволял себе полностью провалиться в бессознательное состояние. Так бывает от смертельной усталости и сильной потери энергии.

И я пыталась испытать к нему презрительную, отчаянную ненависть, заставляя себя вспоминать каждое брошенное им слово…а вместо этого внутри все сжималось от адской боли…его боли. Что бы он ни сказал и ни причинил мне,

ему больнее в миллиарды раз. Почему? Потому что его сжирают демоны ревности и недоверия, он разлагается живьем от той лжи, что втравил ему в мозги проклятый Курд и жуткая агония – это пытка от которой он превращается в мертвеца, выживающего лишь на чужой крови и боли, пожирая ее и насыщая монстров внутри себя. Он говорил, что ему помогли вспомнить. Курд…Больше некому. И он говорил не только это. Так много нелепых обвинений, которые ему кажутся чистейшей правдой. И это не я сейчас сходила с ума от мыслей, что моя жена спала с моим отцом и родила мне ублюдка, а он. Этот гордый, дикий собственник пытался справиться с обрушившимся на него апокалипсисом. Точнее, он с ним не справился…он сломался. Впервые мой муж сломался. Сильный до невозможности, выдержавший столько всего за свою жизнь, он рассыпался в тлен живьем, по кускам. Я видела этот надлом, чудовищную воронку в его ребрах с оскалившимся чудовищем на дне ямы. Тварью без кожного покрова. Она выла и истекала кровью, взывая к мести и требуя плоти. Моей плоти, моей крови и моей боли. За неимением всего этого оно жрало его самого. Ведь я до сих пор жива…а значит, он не может меня убить. Он меня спрятал в своей келье, как в норе, чтоб ни одна другая сущность не смогла сожрать его любимую добычу. Он будет жрать меня сам…и себя вместе со мной. Иначе за все то, что Ник вменял мне в вину, я бы уже давно была мертва.

Сама не заметила, как подошла вплотную и опустилась на каменный пол на колени, натягивая тонкую железную цепь на своем ошейнике, впаянную в стену, и всматриваясь в его бледное до синевы лицо. Как у настоящего мертвеца. Ничего живого. Под белой кожей тонкая сетка вен. Сущность прорывается сквозь человеческий образ, потому что эмоциональные страдания не дают инстинктивно соблюдать маскарад. И внутри все сжалось, и дыхание перехватило от комка, застрявшего в горле. Его шея, покрытая рваными шрамами разной степени давности. Перевести взгляд на скрюченные окровавленные пальцы и судорожно сглотнуть – он делал это снова. Раздирал себя до мяса. До чего ты себя довел…ты уже с этим не справляешься и мне не позволишь.

На какое-то время исчез страх…все исчезло. Остался только безумно любимый мужчина, который умирает от адской боли у меня на глазах. Провела кончиками пальцев по израненной шее, по скуле, обтянутой пергаментной кожей, с неухоженной щетиной, и, словно в ответ на прикосновения, глаза под сомкнутыми веками перестали метаться, и дыхание стало более ровным…а у меня дух захватило…да, ты помнишь. На уровне подсознания помнишь, что мои прикосновения тебя успокаивают. Вверх по щеке, зарываясь в волосы. Оскал исчезает под чувственными губами, а я с щемящей болью в груди считаю

секунды этого мнимого ворованного счастья. Так было всегда. Есть между нами все же что-то вечное, не подвластное времени и ненависти, что-то, что разрушить не в силах ни Курд, ни одна тварь в этом мире. Нашу жуткую связь с тобой.

– Я говорил тебе, что ты мой наркотик?

Киваю этому вопросу из прошлого, звучащему глухим эхом в голове, и улыбаясь уголками рта.

– Мой личный антидепрессант.

Боже, неужели это было когда-то? Счастье в его объятиях? Инстинктивно прижать его голову к своей груди, перебирая волосы обеими руками, дрожа от понимания, насколько все скоротечно. Прижимаясь губами ко лбу и закрывая глаза от наслаждения.

И вдруг молниеносное движение, и я уже трепыхаюсь в его руке. Неожиданно и резко настолько, что от разочарования все тело сковало судорогой. Почему так быстро…почему так мало?

Словно в каком-то презрительном ужасе отодрал от себя и сильно сжал мое горло, смотрит на меня жуткими белыми глазами – замораживая, превращая в иней слезы на щеках. В движении ни капли осторожности и жалости. Пальцы сжаты настолько сильно, что, если сведет еще чуть-чуть, сломает мне шейные позвонки. И я понимаю, что это конец…я могла придумать себе все, что угодно, но я и понятия не имею, что он теперь такое, и что у него внутри. Какой лютый монстр возродился из той чудовищной боли, которую он испытал, и что этот монстр собирается с нами сделать.

– Никогда не приближайся ко мне, пока я не позволил, – тихим пугающим шелестом, и бледное лицо исказило жуткой гримасой едкой ненависти и омерзения, – никогда не смотри мне в глаза, иначе ты ослепнешь так же, как и онемела.

И я инстинктивно прикрыла веки, чувствуя, как внутри зарождается панический ужас…это он вселяет его инстинктивно. Самая естественная способность нейтрала заставить до смерти бояться. Инстинкт взывает к инстинктам.

– Твои права так же ничтожны, как и твоя жизнь. Одно неверное движение, и я буду живьем отрывать от тебя куски плоти.

А потом рассмеялся. И я представила, как изменилось в ужасающем оскале его лицо. Закашлялся, и смех резко стих.

– А ты думала, ты здесь, потому что я сжалился? Или потому что спрятал тебя от правосудия. Нееееет. Я и есть твое правосудие, и я хочу наслаждаться миллионами приговоров и казней. Наслаждаться твоей агонией бесконечность.

Тряхнул в воздухе, заставив задыхаясь, инстинктивно вцепиться в его запястье.

– Твоей болью. Ты думаешь, что знаешь, какая она? О, нет…ты даже представления не имеешь о настоящей пытке. Но это пока. Я познакомлю тебя со всеми ее гранями. Обещаю.

И мне кажется, что это говорит не он…его голос, его интонации, и все ж это не он. Это нечто…живущее внутри него. Медленно открыть глаза и встретиться с мертвым взглядом.

– Еще раз посмотришь без моего разрешения – ослепнешь.

Швырнул на постель, и уже через секунду в келье стало пусто. О том, что он только что был здесь, свидетельствовали только легкие колебания воздуха и его запах…смешанный со зловонным смрадом смерти, и боль, взорвавшая грудную клетку вместе с пониманием – это начало конца.

Глава 6. НИК. МАРИАННА

Я не мог находиться рядом с Марианной и в то же время не мог отпустить её. Ощущение её тела, её дыхания всего в нескольких шагах от меня, на моей кровати или в углу на полу вызывало судороги безумия, а мысль о том, что вдруг не почувствую её аромат, когда войду туда, наводила самый откровенный ужас.

Зависимость. Моя грёбаная зависимость ею становилась всё больше, всё объёмнее, вплеталась в ДНК прочными соединениями, расщепляя на атомы и собирая в нечто новое, в нового меня. Эта проклятая сучка продолжала менять меня, не произнося ни слова. Иногда просто смотрел, как спит, и чувствовал, как начинает покалывать всё тело от желания прикоснуться. Хотя ни хрена это не было просто желанием. Потребностью. Дикой. Необузданной. Каждый день жадно получать свою дозу этой женщины. Иногда доза состояла в одной секунде взгляда на ее скрючившееся на полу тело. В одной секунде…одной долбаной секунде перед тем, как уехать на несколько дней. Но получить свою толику кайфа, запаса прочности, чтобы не начинало выворачивать кости от нереальной ломки.

Иногда доза состояла в том, чтобы молча сидеть возле её кровати, прислушиваясь к слабому дыханию ночь напролёт, удерживая её сон и не позволяя проснуться, не желая разрушать собственную фантазию о том, что она по своему желанию спит в моей постели, что через несколько мгновений она откроет глаза и, сладко потянувшись, сонно улыбнётся мне, маня к себе.

Иногда я вырывал свою дозу в быстром жестком поцелуе, от воспоминаний о котором потом сводило и жгло губы сутки.

Неважно что. Неважно каким образом. Но всегда смысл один – оставить в себе и на себе часть её, чтобы одержимо наслаждаться ею то время, что нахожусь вдали.

Конечно, я пытался справиться с этим. Пытался излечиться. Я был полным идиотом, но я верил, что это возможно. Я шёл к самым красивым женщинам, источавшим чистый секс одним только взглядом. Иногда я платил им за секс, иногда парализовал их волю, иногда они сами с радостью для меня распахивали свои длинные стройные ноги, готовые и истекающие влагой. И я…я не мог ничего. Смотрел на них и понимал, что они возбуждают не больше, чем шкаф или тумбочка возле этого шкафа. Они исступленно сосали мой член, пытаясь возбудить меня, а я всё сильнее вонзался когтями в собственные ладони, отказываясь до последнего верить в то, что стал импотентом. Я рвал их плоть клыками, резал кинжалами, стегал плетью и жёг воском, я душил и забирал их жизнь, оголтело вбиваясь в них своими пальцами…и не чувствовал ничего. Абсолютно, совершенно ничего. Их лица перестали откладываться в голове, их возбуждённые соски и блестящая розовая плоть вызывали раздражение, а не

похоть.

«Какая усмешка судьбы, Морт…Ей оказалось мало лишить тебя памяти и семьи…она лишила тебя того единственного, что делало тебя мужчиной. Импотент…жалкий-жалкий импотент»

Смех твари теперь раздавался в ушах двадцать четыре часа в сутки.

«На что ты вообще способен, Мокану? Разве нейтралами управлять должен не мужчина со стальными яйцами? Ведь теперь это не про тебя?

– Ну что ты, моя омерзительная девочка. Я же не трахать их собираюсь.

– Конечно, нет, любовь моя. Ты теперь никого не собираешься трахать. Ведь так?»

Порой она довольно искренне, насколько вообще можно это слово употребить в отношении неё, соболезновала моей беспомощности. В минуты, когда я срывался и выл от бессилия, сбивая в кровь кулаки о камни.

Сколько бы ни старался скрыть от этой мрази своё отчаяние…хотя разве можно скрыться от собственного безумия? Оно пожирает тебя изнутри, смакуя с громким чавканьем каждый кусочек из остатков твоего вывернутого наизнанку сознания. Оно с наслаждением слушает, как ты взвываешь в своём одиночестве, полосуя лезвием собственные пальцы.

Но потом взвыла она. Взвыла так громко, что у меня пошла кровь из ушей и перехватило в горле. Она истошно вопила, громыхая костями и скалясь зубастым, словно у акулы ртом. Когда поняла, что проиграла снова. Проиграла не мне. Марианне. Проиграла, потому что теперь к больной одержимости этой женщиной примешивалась похоть. Самая натуральная, чистейшая, мощнейшая похоть, от которой кровь ревела в венах и скручивало желудок от желания взять Марианну. От которой член становился каменным и ожесточенно пульсировал, требуя разрядки.

Когда зашёл в свою комнату и увидел, как меняет платье. Резко отшатнулась, глядя расширенными от страха глазами и прикрывая обнаженную грудь, а меня

прострелило возбуждением такой силы, что еле на ногах удержался. Смотрел на судорожно подрагивающий живот, на острый съежившийся от холода сосок, который оставался открытым, и думать мог лишь о том, чтобы взять её прямо у стены. Прижав к камню спиной и осатанело вдалбливаясь в её тело.

Выскочил тогда из кельи своей и бросился вниз, к подножиям гор, ощущая, как не хватает дыхания. Как и объяснений самому себе. Потому что это был бред. Самый настоящий бред. Невозможно хотеть одну так, что дубиной стоит член, и быть абсолютным импотентом с другими. Ведь это физиология. Это, мать её, самая обыкновенная физиология. И если у меня вставал на Марианну, то, значит теперь я мог иметь любую женщину. Ни хрена…НИ ХРЕ-НА! Как только чувствовал под пальцами чужую кожу, как только видел чужие волосы и глаза, отвратительно не сиреневые глаза, эрекция пропадала.

«Я говорила тебе. Много раз говорила. Приворожила тебя эта шлюшка. Околдовала. Ведьма. Она ведь дочь демона. Они могут и не такое. Избавься от неё, Морт. Избавься.»

И я решил избавиться. Решил скинуть с себя наваждение с именем Марианна Мокану. Скинуть, потому что знал – не сдержусь. Если рядом будет – возьму её. А взяв, снова возненавижу, что с другими делил. Теперь уже осознанно. Возненавижу и убью. А после и сам без неё сдохну. Потому что без неё, без этой дряни дешевой, не будет иметь смысла больше ничего для меня. Ни война, ни Нейтралитет…ни дети. Сукааа…как же ты в мозги-то мои въелась…

Я знал, куда её уведу. Знал с самой первой секунды, когда решил убрать её из своей комнаты. На это была ещё одна причина. Я всё еще не мог доверять всем нейтралам, жившим в замке, а это означало, что Марианне угрожала опасность в моё отсутствие.

Я поместил её в зеркальную комнату. Мою лживую девочку, имевшую не одно, а десятки лиц…отправить её туда, где она познакомится с каждым из них. Где будет сходить с ума в одиночестве и в компании своих собственных масок, своей собственной лжи.

Вот только я всё же не смог отказать себе в получении очередной дозы. И теперь шёл за ней. К Марианне.

Это было чистым сумасшествием. Своеобразной иллюзией и ничем более, но я остолбенел от ощущения, что её присутствие здесь, среди множества зеркал, увеличилось в сотни раз. И нет, речь не о десятках её отражений, молниеносно повернувших голову, когда я вошёл в помещение. Речь о волне её энергии, которая едва не сбила с ног, как только я очутился внутри. Будто каждое отражение усиливало её аромат, пронзивший острым мечом легкие, когда сделал первый вздох; каждое отражение аккумулировало в себе потоки её ауры, сливаясь в одну, мощнейшую струю, ворвавшуюся мне под кожу, как только в ее взгляде вспыхнуло узнавание.

Тихо-тихо, змеиным шипением в голове зашелестело предупреждение, но я мысленно послал тварь куда подальше и оглядел Марианну, молниеносно вскочившую с зеркального пола и прижавшуюся к стене спиной.

Прекрасная. Ослабленная, сломанная, истощавшая, растерянная, в глазах настороженность, вспыхивающая непониманием вперемешку с готовностью противостоять…И всё же прекрасная. В каждом из своих отражений.

Медленно подошёл к ней, стягивая с рук перчатки и бросая их на пол.

– Тебе нравятся твои отражения, Марианна? Странное чувство, правда, смотреть на то, что похоже на тебя как две капли воды, но тобой не является? Я так долго жил с этим чувством. Решил, что тебе тоже пора с ним познакомиться.

Обхватил ладонью ее подбородок, приподнимая его кверху, чтобы прочесть ответ в глазах. И всё же я понятия не имею, какого беса пришёл сюда к ней. Для этого не было причин. Кроме одной. Я просто захотел.

***

Я не знаю, сколько времени находилась в этом адском помещении. Меня сюда привели с завязанными глазами. Не Ник. Ника я не видела уже очень давно. С тех пор, как пришла в себя. Он избегал общения со мной. Наверное, так было лучше для нас обоих. Но ведь мы оба понимали, что рано или поздно он сорвётся, и каким будет этот срыв, не знал никто…

Я и понятия не имела, с каким чудовищем внутри него мне придется столкнуться, даже думать боялась, что все случившееся между нами много лет назад еще до рождения Сэми повторится в самой жуткой своей интерпретации. И началом этого ада стала проклятая комната, куда меня затолкали и заперли снаружи дверь. Я услышала, как клацнул замок, содрала повязку и чуть не закричала от ужаса – в ярком свете меня окружало мое отражение, помноженное на тысячу. Словно вокруг меня, на коленях сидели призраки меня самой и с ужасом озирались по сторонам.

Помещение было большим и круглым, полностью сделанным из кусков зеркал, чтобы усилить эффект присутствия собственных клонов и усилить панику. Ни для чего другого это жуткое помещение больше не годилось.

Возможно, здесь была звукоизоляция, потому что я не слышала ничего, кроме потрескивания отвратительно яркой лампы. Как в операционной. И это было намного страшнее темноты – этот яркий свет и камеры под потолком. Сюрреалистический кошмар, где ты боишься собственного отражения, и с каждым днем этот ужас становится глубже. Начинает казаться, что далеко не все они вторят мне, и некоторые тянутся к моему лицу скрюченными пальцами, чтобы утащить за грань между кошмаром и явью. Спустя какое-то время шипящий звук лампы начал раздражать, а потом и сводить с ума, как и собственное бледное лицо с черными кругами под глазами и один из белых балахонов, которые мне приносили по утрам вместе с полотенцем и туалетными принадлежностями в келью Ника. Бесформенная тряпка, похожая на длинную ночнушку. Видимо, это форма заключенных в замке женщин. Здесь, в этом отвратительном, доводящем до безумия месте меня не кормили и не поили, и я умирала от олода и жажды. Мне требовалось что угодно: вода, кровь, еда. Я давно перестала регенерировать как сильнейшая бессмертная, теперь способностей моей сущности хватало лишь на то, чтобы окончательно не свихнуться, почти все мои человеческие рефлексы и потребности вернулись.

Реакция на поворот ключа в замке была страшной: я вскочила на ноги и вжалась в стену – звук показался мне оглушительно громким после гробовой тишины. А когда увидела Ника, захотелось заорать от радости…это ведь не он закрыл меня здесь. Кто угодно, но не он. И лишь после его вопроса я поняла – это действительно он. О да, ведь именно он заставил меня корчиться в этой проклятой комнате и подыхать от ужаса и от голода. Неужели у меня еще

остались какие-то крохи сомнений? Нет больше прежнего Николаса, есть палач, который поставил перед собой цель уничтожить меня морально и физически, и я не удивлюсь, если эту комнату придумал он сам.

Подняла голову и посмотрела в его бесцветные глаза, в которых ничего не отражалось больше в самом прямом смысле этого слова. Мутная пустота. Ничто. Грязь, покрытая коркой льда с дырой расширенного зрачка посередине, но иногда и он тонул в этой молочно-грязной белизне.

Если бы я могла говорить, я бы закричала. Я бы спросила, нравится ли ему смотреть на то, что он делает со мной… и в паническом ужасе прочла ответ в расширенных зрачках, словно он уже услышал вопрос, прочла и в едва заметной ухмылке на чувственных губах – да, ему нравилось. Иначе меня бы здесь не было.

***

Пальцами провёл по заострившимся скулам. Ведьма.

"Да, ведьма, ведьма. Теперь видишь?", – подтвердило шипение в голове. И я видел. Ничто не уродует так человека, как голод. Я видел сотни людей, не имевших руки или ноги и при этом красивых настолько, что их потери со временем переставали бросаться в глаза. Но я не видел ни одного изможденного голодом человека, сохранившего свою красоту. Она растворяется со временем, и чем дольше человек голодает, тем меньше её остается в нем. Ведь меняется не только внешность, становятся другими движения, мимика, блеск жизни в глазах. Он пропадает, оставляя после себя только блеск того самого голода. А истощённые голодом бессмертные выглядят ещё хуже, обессиленные, чтобы сохранять человеческий облик, они выпускают наружу свою самую тёмную, самую неприглядную сущность, и та никогда не бывает прекрасной.

Но с Марианной…с этой проклятой дрянью всё было не так.

Исхудавшая настолько, что платье на ней, скорее, напоминало холщовый мешок, висевший на тонких плечах, демонстрировавший неестественно выступавшие ключицы…с тёмными кругами под глазами, со спутанными волосами и бледным лицом…эта дрянь была настолько ослепительна, что казалось, стоит

прикоснуться к почти прозрачной коже её скул и можно получить ожог как от прикосновения к солнцу.

"Приворожила сссссссукааа…"

И я смотрю в эти глаза, наполненные ужасом и чувствую, как начинает сводить скулы от желания обжечься об это солнце. Костяшками пальцев провёл по щеке, вздрогнув, когда кожу пронзило разрядом тока…и когда в голове раздался истошный крик протеста.

– Я бы отдал несколько вечностей за то, чтобы ты была лишь отражением в зеркале…красивым, бездушным…картинкой, которую можно не видеть, никогда не знать, просто не заходя в комнату с зеркалами.

Она задрожала, продолжая затравленно смотреть на меня этим невыносимым сиреневым взглядом, а я закрыл глаза, позволяя себе просто насладиться ощущением тепла ее кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/lyubov-za-gran-yu-13-mertvaya-tishina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити